

КРИСТИНА РОЙ

*Счастливые
люди*

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-31:27-28
ББК 84(4Сла)-44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«Šťastní ľudia»

Рой К.

Р65 Счастливые люди / Пер. со словац. О. Сакун — СПб.: «Свет на Востоке», 2004. — 136 с.: ил.
ISBN 5-93829-027-9.

Жизнь молодого кузнеца Адама Дубравского и его жены Анички проста: она наполнена ежедневным трудом, заботой о близких и радостью познания Бога, Который открывается им через чтение Писания. Они по-настоящему счастливы. А вот у обитателей господского замка, пана Рудогорского и его жены-графини, напротив, есть достаток и безмятежный досуг, но счастливой эту пару назвать никак нельзя. Однажды к семьям приходят тяжелые испытания. О том, как каждая из них сумела пройти через темную полосу в своей жизни и рассказывается в этой повести.

УДК 82-31:27-28
ББК 84(4Сла)-44

Изд. № 01.425

ISBN 5-93829-027-9

© МРО «ХМ “Свет на Востоке”», 2004

От издательства

Повести и рассказы словацкой писательницы Кристины Рой (1860—1937) полюбились российским читателям очень давно... Мало кому известно, что еще в начале XX века одно из помещений Санкт-Петербургской гостиницы «Англетер» занимал книжный магазин прусского подданного Иоганна-Альберта Гроте, где продавалась переведенная с европейских языков духовная и детская литература. Так, благодаря издательской и торговой деятельности Гроте, наши соотечественники впервые прочли книги Кристины Рой...

Усилиями издательства «Свет на Востоке» ее произведения вновь попали в Россию в начале 1990-х годов и вскоре стали необычайно популярны. Не потому ли, что писательскую манеру автора отличают искренность и мудрая простота, свойственные евангельской притче? Или же все дело в увлекательном и богатом неожиданными поворотами сюжете? Судите сами...

Этой книгой издательство начинает публикацию новой серии произведений писательницы, впервые переведенных на русский язык со словацкого.

*Бог есть любовь,
и пребывающий в любви
пребывает в Боге, и Бог в нем.*

1Ин. 4:16

Между Нимнице́й и Тополево́й с незапамятных времен стояла кузница. Она принадлежала семейству Белых и переходила от отца к сыну из поколения в поколение.

Но у последнего из Белых сына не было. Дочь вышла замуж за слесаря в Пеште, сыновей отдала учиться. Став взрослыми, они позабыли родной язык, старые обычаи и материнскую семью. Вспомнили только однажды, когда помер старик Белый и надо было продавать его имущество.

Кузницу купил приезжий мастер — человек молодой и красивый, так просто ему невесты не

найдешь. Народ сразу понял, что ремесленник он от Бога, особенно когда дело касалось рабочих инструментов. Возничие хвалили, что он коней хорошо подковывает, да и сами эти бессловесные твари похвалили бы, если бы сумели. Вскоре слава о новом кузнеце разнеслась и в горах, и в долине...

Одно только людям не понравилось — что парень собрался жениться на беднячке из своей родной деревни. «Что это он выдумал?» — возмутились они. — Неужто у нас нет богатых невест? Да за него отцы и матери с радостью выдали бы своих дочерей, лишь бы попросил... А так — хозяйства никакого нет, хата и кузница старые — ветер в них гуляет. Кусок заброшенного гумна да необработанный участок земли возле хаты. Просто позор: работаешь, работаешь, а потом несколько лет ждешь, не уродится ли что. В теперешние времена одним ремеслом не выживешь, а он берет себе бедную невесту да в придачу еще и старого тестя!

Вот уж беспокоился народ... А ведь так обычно и бывает: если ты сам не боишься завтрашнего дня, то другие его за тебя станут бояться.

Когда кузнец привез молодую жену, мужики покачали головами, но уже ничего не сказали. Женщины пожали плечами: «Хоть и красавица и подходят друг другу, как роза и розмарин, а одной красотой сыт не будешь».

Потом из Тополевой в Нимницу донеслись кое-какие слухи, и нимничане забыли на время о своем кузнеце Адаме Дубравском и его Аничке. Случилось так, что за год до этого умер последний из топовских господ, владелец замка и близлежащих полей. Оставил он после себя только дочь, да и та теперь вышла за богача, скупившего все, что старый нимницкий господин собирался продать еврейским торговцам и крестьянам. Купил он и топовский замок и, как сказывали люди, вместе с имуществом купил и жену...

Еще бы — ведь ему уже перевалило за четвертый десяток, и хотя собой он мужчина статный, но все же не граф, а разбогател на строительстве железных дорог и мостов. А она — графиня девятнадцати лет, воспитанная среди знати, — раньше на такого простолюдина и не взглянула бы.

«Пан строитель Рудогорский — счастливец и мудрец, — внушали народу евреи. — Богатство

у него уже было, а теперь жена ему откроет путь в общество самых именитых господ, и он сам когда-нибудь сможет стать графом или бароном, и дети его будут большими господами».

И с тех пор, проходя мимо тополевого замка в город на рынок, всякий человек останавливался на минуту и думал о том, какой же счастливый и мудрый человек там живет.

«А ведь так оно и есть! Один человек и молится, и работает, а ничего не имеет. А другой и не молится, и не работает, а ему Господь Бог дает все, чего душа пожелает», — говорила старуха мельничиха с реки. Хотя старуху эту каждый день видели в церкви, люди сказывали, что все свое имение она пропила в кабаке. Сперва пила только она, потом и муж отчаялся и запил; напившись же, они вместе пели благочестивые песни. Вскоре муж заболел чахоткой и помер. Оставшись вдовой, она стала жить поденной работой, а все, что ей давали люди, относил в кабак.

«Верно, — судачили про нее соседи, — если человек хоть раз попробует, то потом уже не избавится». Но когда видели пана Рудогорского в новом экипаже вместе с госпожой графиней, то поминали слова мельничихи и признавали, что есть в них правда.

Пан Рудогорский начал возводить у замка хозяйственные постройки, потом восстановил стену вокруг старого сада или, как его называли, парка, рядом насадил еще один парк, а возле него — большой огород. В том парке выкопали яму для пруда, а под прилежащими к замку лугами начали прокладывать трубы, чтобы по ним текла вода из болота к водоему. Дела было много, так что люди могли заработать.

Жены носили мужьям обеды в Тополеву и своими глазами видели, сколько гостей принимала госпожа графиня. По старому парку прогуливались богато одетые дамы и барышни, господа в военном обмундировании и церковники. Ни одного слова по-словацки не было слышно, хотя сам пан Рудогорский был урожденным чехом, а его мать — словачкой¹. «Счастливицы», — вздыхали женщины. Теперь им было о чем поболтать дома, и неудивительно, что они перестали толковать о красавце кузнеце.

Принялись молодые обустроить свое гнездышко, и те, кто захаживал в кузницу с работой, удивлялись, как хорошо шло у них дело. Старый Крижко починил зятю крышу — теперь уже в нее не будет задувать ветер, — сделал такие

окна, какие сумел бы изготовить только столяр, так что их даже оковывать не пришлось. Вместе они вставили рамы, а сосед-еврей застеклил и покрасил их. Аничка навезла вместе с батюшкой глины из кирпичной мастерской, размешала ее и залепила все дыры в доме. Потом выровняли насыпь вокруг, вычистили запущенный двор и гумно, вскопали огород. Взялись и за земельный участок.

Мужчины не позволили Аничке носить камни, отправив ее наводить порядок в доме, а сами отдались работе с радостью и охотой. Если бы Адама время от времени не отвлекали заказчики, то поле вскопали бы за один день, однако ремесло было не менее важно, а работы — много.

Один нимничанин как-то похвалился, какой у них кузнец мастер по инструментам, так все лесорубы и господские работники стали приносить Адаму свои топоры, тесаки и мотыги, и он едва успевал.

— Как хорошо, что вы со мной, батюшка, — говорил он тестю, — ни о чем не надо беспокоиться. Если бы я работал только для себя, отвернулись бы от меня люди, а если бы только для людей трудился, крыша упала бы мне на голову.

Пожалуйста, позаботьтесь хорошенько об Аничке: не хочу, чтобы она выбилась из сил сразу после свадьбы.

— Не бойся, сынок, мы тут с Божьей помощью все сделаем, а ты занимайся своим ремеслом. Ты здесь для того, чтобы нас кормить, а мы — чтобы тебе служить.

Не прошло и восьми недель с тех пор, как молодой кузнец привез Аничку, а старую кузницу уже было не узнать. Дом стал похож на старушку, снова надевшую свадебное платье: беленький, с голубой отделкой, с новыми большими окнами, весь в цветах. Внутри — везде светлые занавески, чистенькая горница напоминает шкатулку, а прихожую и кухню будто кисть нарисовала. И батюшкина комнатка — как картинка. Чего только в ней не было: и ткацкий станок, и Аничкино веретено, и прялка тут же поместилась... А еще старый шкаф, полный книг, которые и дедом, и отцам, и внукам радость приносили, — все это перешло с семьей Крижко в новый дом. Поскольку они хорошо знали грамоту, церковь в родном селе приглашала их помогать учителям. А Аничка умела читать не хуже какой-нибудь госпожи.

Нимничане сердились на кузнеца за то, что он ни разу не пришел с ними в корчме посидеть, выговаривали старому Крижко:

— Вы его как на привязи держите!

— Дорогие мои, — отвечал Крижко, — от корчмы никакой пользы ни для тела, ни для души, а что пропьешь — то не вернешь. Пьяный человек — позор для самого себя, для Бога и для людей.

— Но ведь не обязательно же допьяна напиваться!

— Необязательно, но может случиться. Мы просим Господа Бога: «Не введи нас во искушение!» Зачем же нам самим в него лезть, милостивого Бога гневить?

— Да ну его! — пожали плечами мужики.

Некоторые же покачали головами. «А он ведь правду говорит, — думали они. — Только удержаться трудно! Если бы человек не мог пить, сколько душа пожелает, то какая радость была бы у него на этом свете?»

Говорили они и с Адамом. Тот хмурил брови:

— Всю неделю я работаю, а воскресенье должен без пользы терять в кабаке? Если кто хочет с нами пообщаться, милости просим в гости, мы всем будем рады.

— Ишь ты какой важный! — негодовали люди. — Думаешь, что старики будут к тебе ходить?

А между тем кое-кто и ходил. Старый Крижко так умел рассказывать, и из Писания, и из древних хроник, что целыми днями хотелось его слушать.

Так хорошо было сидеть под нежной цветущей яблоней на деревянной скамейке и думать о том, как когда-то людям тяжело было жить по Писанию и верить в истину. Да, нынче уж нету таких людей, которые хотели бы умереть за веру... Теперь каждый верит во что хочет и как хочет, а многие говорят: «Нет ни рая, ни ада, ни Бога, ни Христа, а когда умрешь, съедят тебя черви».

Задумался Крижко. Вспомнил он то время, когда был юношей. Заболел как-то их настоятель, и вместо него проповедовал молодой, еще не рукоположенный священник, но говорил он так, что люди потом долго о том толковали. Старик и теперь помнил его слова: «И демоны верят и оттого трепещут². Если мы воистину верим Богу и Его святому Слову, это надо доказать всей своей жизнью. Нужно жить так, чтобы люди видели, что мы пришли от Бога и уйдем к

Нему. Поступайте во всем, как Христос поступал, любите Бога, делайте людям добро. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, а Бог в нем³». И еще вспомнились Крижко слова старичка-учителя, который выпускал их из школы: «Радуйся, юноша, своей юности, но помни о том, что Бог тебя со всем этим приведет на суд⁴. Знай, сынок, если будешь по совести жить на свете, то даже бедность не помеха». Учитель тот давно с Богом, а Крижко еще живет на земле, и сколько уж лет прошло — он все помнит его напутствие.

Старый Крижко любил Бога. Он верил, что есть рай и что он туда попадет; верил и в то, что есть ад, и потому удерживал людей от греха. Такой вере научил он и свою дочь. Аничка была последней из его семерых детей — все они, кроме нее, умерли. А потом умерла и жена. Он не горевал о них: знал, что они у Бога и что там он с ними встретится. Пока Аничка росла и набиралась ума-разума, Бог многому научил его, а потом он передал это дочке.

С тех пор как они поселились вместе, Адам стал чаще задумываться о своей душе. До этого он никогда не вспоминал о Боге, как и многие другие, хотя когда-то был первым учеником

в классе, а на конфирмации лучше всех отвечал катехизис. Учась у мастера, Адам разучился и молиться, а иначе над ним начали бы смеяться. В подмастерьях он слышал кругом только богохульство, а в солдатах — кто там вообще думал о Боге? Вернувшись домой, Адам стал заходить иногда в церковь и слушать проповеди, но не придавал этому значения.

Он был порядочным юношей и знал об этом — ведь окружающие придерживались того же мнения. Поэтому, услышав, что Аничка Крижкова — самая порядочная девушка в селе, он начал ходить к ней. Однажды Адам сказал себе: «Она обязательно должна стать моей!» Так оно и вышло.

Они были малознакомы и теперь день за днем узнавали друг друга все лучше и лучше.

Когда Аничка со своим отцом переехали сюда, они стали жить по своим обычаям, начиная и заканчивая день совместной молитвой. «Дорогой сын, — говорил тесть, — сначала Божье благословение, потом — работа. Чего у Него не попросишь, то плохо сделаешь, и надобно ведь не только принять, но и поблагодарить. Без Божьего бдения плохо спится».

Адам привык к этому, и теперь, если бы он пошел в кузницу, не спев и не помолившись, а тесть не прочел сперва ежедневное чтение, ему словно бы и не хватало чего-то.

Адам стыдился, что не знал Писания так же хорошо, как Аничка, — хотя она была и моложе его на десять лет. По воскресеньям с утра, пока она готовила обед, чтобы они все вместе могли сходить в церковь, он брал Библию тестя, шел к себе в кузницу или на гумно и читал. Чем больше читал, тем чаще задумывался о Боге и о своей душе. Если Адам чего-нибудь не понимал, он спрашивал у тестя, а если оба не знали ответа на вопрос, Крижко говорил: «Что ж, сынок... Может быть, Господь Бог нам это откроет, а ежели не откроет, мы все узнаем, когда предстанем перед Ним».

Церковь стояла довольно далеко, но дорога никогда не казалась им длинной, потому что им всегда было о чем поговорить. По пути туда они обсуждали то, что Адам прочел утром, а по пути обратно — то, что услышали на проповеди.

Аничка, несмотря на бедную одежду, была настоящей красавицей. Когда Адам впервые привел ее в церковь, все притихли. Она скромно

встала среди других молодых женщин на самое последнее место, но головы всех присутствовавших невольно повернулись в ее сторону.

Но никогда жена не казалась Адаму такой привлекательной, как в те минуты, когда она, разгоряченная от очага, прибегала к нему в кузницу, чтобы посмотреть, чем он там занимается и не скучно ли ему одному. Адам всегда откладывал работу и разговаривал с ней, — ведь она так о нем заботилась.

Одно только ему не нравилось: когда люди их пытались смутить и заводили при Аничке неприличные разговоры. Адам тогда очень сердился и старался увести жену в другое место.

Когда в доме все было прибрано и обустроено, Аничка подумала, что нужно бы помочь мужу накопить на покупку коровы — нехорошо, когда на столе нет парного молока.

Однажды вечером она зашла к нему в кузницу. Была суббота, и он убирался, как обычно перед воскресным днем. Она помогла ему подмести, и вместе они направились к гумну. Адам с утра ковал без отдыха и заметил ломоту в плечах и спине только теперь, усевшись на лавочку. Аничка села рядом с мужем, взяла его за руку.

— Устал?

Он взглянул в ее голубые ласковые глаза, и сердце его наполнило теплое чувство — ведь прежде никому не было дела до его усталости.

— Тебе приходится так много трудиться. — Она провела рукой по его потному лбу.

— Ничего, я молод и здоров. — Он крепко обнял ее.

— Адам, а я теперь чем буду заниматься?

— Ты? Разве у тебя мало работы? — удивился он. — Когда я на тебе женился, твои ладони были мягче.

— Это от замазывания пола, Адам. Но мы уже почти все сделали, через неделю у меня не будет другой работы, кроме готовки. В кузнице я тебе не помощница... А сегодня у нас была бургомистрова жена. Она заходила за своей цепочкой и сказала, что отправит Бетку в замок носить строителям воду. Думаю, если бы я вызвалась, меня бы тоже взяли. Рано утром я бы готовила вам обед, а ужин смог бы варить и батюшка. Платят шестьдесят крейцеров без питания, да я бы брала что-нибудь с собой...

Не успела Аничка договорить, как Адам нахмурил брови.

— Ни за что не пойдешь! Для того ли я женился, чтобы моя жена носила воду каменщикам и расхаживала без меня среди господских поденщиков?

— Адам, ты сердишься? Я только потому, что хочу скорее накопить на корову. Отпусти меня, за неделю столько можно заработать!

Смотрит Адам на свою жену и думает: «Красивая... Раз мне она нравится, то и другим может понравиться — как бы не начали с ней любезничать». Он весь содрогнулся от этой мысли, крепко сжал руку жены и твердо ответил:

— Выбрось это из головы, Аничка! Никуда ты не пойдешь без меня. Мир полон зла! Будет корова и без господской поденщины. Если бы не должники, корову можно было бы купить уже сегодня. Найдешь себе еще дел по дому. Ты ведь обещала мне сшить рубаху из того полотна, что я когда-то у вас купил — вот и сшей, мои уже все порвались.

«И вообще, — подумал Адам, но вслух говорить этого не стал, — моя жена принадлежит только мне».

Послушалась Аничка мужа — рада была, что не надо из дома уходить. Ведь вместе жили они

как в раю. Адам не отпустил жену на поденную работу, и всякий раз, когда она приходила пополудни в кузницу и шила ему рубаху, когда находилась вблизи него, — он всегда тому радовался.

Люди уплатили долги, пан Рудогорский заплатил за плуги и подковы; собрались зять с тестем на ярмарку. Привели коровенку — небольшую, но хорошую. «Ну, Аничка, теперь тебе будет чем заняться!»

Тем временем Аничка старалась подзаработать, чтобы помочь мужу. Начала стирать для людей: сама брала вещи на дом, да и приносили ей — они жили вблизи ручья. Завела кур, цыплят; на огороде выращивала овощи и относила их в город на рынок вместе с маслом и сыром.

Адам вынужден был взять ученика — один он теперь не справлялся с работой. Женщины смекнули, что старый Крижко неплохой ткач, и как нарядет кто пряжи — к нему несут.

Стали Дубравских все хвалить. Сами для себя сделали что могли, да еще и другим помогают! Дом их стоял возле дороги — все нищие и бродяги останавливались у них, и никого они не отпускали с пустыми руками. Молодых и способных Адам брал себе в помощники и сполна выплачивал вознаграждение.

Один так и остался у них: не было у него на свете ни одной живой души и нигде не жилось ему лучше, чем у Дубравских. Они его одевали и обували, он им за это прислуживал, а спал в одной комнате со стариком Крижко. Звали его Томашем, а фамилии своей он даже и не знал.

Так прошли весна, лето и осень. Господь благословил этот маленький участок земли. Уродились на нем сладкие яблоки, груши, орехи и сливы. Кое-кто уплатил кузнецу за работу зерном, картошкой и капустой. Слава Богу, запаслась семья на зиму.

Адам радовался, что долгими зимними вечерами сможет сидеть в горнице со своими родными и читать для них. Батюшка с Томашем привезли дров, Аничка накупила льна и конопля для пряжи — все смогут отдохнуть в теплой горнице.

Это случилось после Катаринской ярмарки. Возвращались нимничане с торгова, шла вместе с ними и Аничка. Женщины от нее отстали — она спешила домой как на крыльях, сердце готово было петь от радости. В торбе у Анички лежали купленные на собственный заработок шапка для Адама и белые домашние башмаки для батюшки.

Вот уж они обрадуются! Томашу нечего было повязать на шею, и она купила ему платок, а подмастерьям несла по паре башмаков.

Внезапно ее мысли прервал звон колокольчиков; оглянувшись, она медленно проводила глазами богатые сани. Вскоре Аничка увидела и госпожу графиню. Как же ей к лицу черная шубка и пуховая шапочка! Красивая, но чем-то недовольна. Муж ей что-то говорит, а она даже не слушает. Заспанная еще, зевает. Наконец он, отвернувшись, оставил ее в покое.

Все в Тополевой и Нимнице считали, что эти двое — самые счастливые люди на свете. Да правда ли это?

«Нет, — покачала головой молодая женщина, — они не счастливее, чем мы с Адамом. — У них есть богатство, а у нас нет? — Но ведь Господь дает нам все, в чем мы нуждаемся, и у Него все можно попросить. — Они не работают, а мы должны трудиться? — Так ведь и Сын Божий трудился. А мы работаем с удовольствием, после работы лучше спится. — Их возят в санях, а я иду своими ногами, усталая? — Так ведь, слава Богу, здорова, а дома отдохну. — Они ученые, а мы нет? — Мы знаем все, что нам необходимо, а остальному Господь нас на-

учит. — Они господа, а мы крестьяне? — Сын Божий одинаково любит нас. Мы не сделали ничего плохого, а все не могут быть равными. Нет, вовсе они не самые счастливые. Нам нечему завидовать».

Так думала Аничка. Вот уже вдали показался замок. Ее догнала старая Галова, у которой дочь там была в горничных. Ей хотелось услышать, почему эти господа были счастливыми, и узнать, в чем именно. Она заговорила с женщиной, взяв у нее корзину, — у той уже болела рука. Аничка рассказала ей, что видела господ.

— Теперь ехали? — удивилась женщина. — Это не в их обычаях, видать, у них нет гостей, раз госпожа графиня так припозднилась.

— А чем она занимается? — спросила Аничка.

— Ничем, дочка. Некоторые госпожи иногда что-нибудь поддельвают, а она к этому не приучена.

— Но что-то же она должна делать! Как же она там живет?

— Ну, утром она одевается, потом, если нет гостей, что-нибудь читает или играет на рояле. После идет на прогулку или рисует. А когда приходят гости, то целый день развлекается.

— А пан чем занимается?

— Ах, у него полно работы, порой ему и целого дня не хватает, и он вынужден трудиться по ночам.

— Значит, он не принимает участия в развлечениях?

— Временами, когда нет другого выхода, принимает, но ему там не нравится. А все потому, дочка, что там одни немцы и венгры, да всякие большие господа, а он происходит из таких, как мы с тобой. Ты ведь знаешь, что у нас тут каждый венгр строит из себя важного господина, а пан Рудогорский чех.

— Но ведь госпожа графиня ему иногда помогает? Она же, наверное, умеет хорошо писать и считать!

— А как же, умеет. Только ты думаешь, у них все как у нас? Он должен спрашивать разрешения, чтобы войти к ней! И так всем ее обеспечил, а мог бы и на руках носить, если б она захотела.

— А она?

Женщина пожала плечами.

— Ох, не знаю я... С такими молодыми барынями человек иногда теряет разум. Лучше, когда сходишься с равным, и молодой молодого скорей поймет. Вот когда она станет старше и у

них появятся дети — тогда, может быть, как-нибудь и образуются.

Между тем они дошли до замка. Женщина забрала корзину, поблагодарив за помощь. Аничка, теперь уже в одиночку, заспешила домой. Только перед кузницей она остановилась, глубоко вздохнула и наконец произнесла вслух то, о чем думала всю дорогу: «А мы все же счастливее!»

Из кузницы вырывались яркие снопы пламени, и в их свете хорошо была видна фигура Адама, ее Адама.

Залюбовалась Аничка. Она быстро поставила сумку, достала из нее шапку, отдала остальные подарки выбежавшим подмастерьям, чтобы отнесли в горницу, а сама влетела в кузницу. И, обняв одной рукой за шею ничего не подозревающего мужа, другой рукой надела шапку на его черные густые волосы. Настоящий король в своей короне...

— Смотри, Адамко, что я тебе купила!

Нет, она бы не стала меняться местами с нимничкой графиней! А он, стал бы он меняться с паном Рудогорским? Вряд ли...

Наступила зима. У Дубравских каждый вечер, а особенно по воскресеньям, было полно народу.

Первой появилась жена столяра из долины. Ей нравилось, как Адам читал, а старый Крижко рассказывал. На следующий день она принесла прялку и привела с собой других женщин. Потом старый лесник с низовья реки зашел к Дубравским вместе с зятем, чтобы заплатить кузнецу за работу. И так ему у них понравилось, что вскоре он стал говорить соседям: «Приходите к Белым (так их называли из-за дома) — хоть как-нибудь время скоротаем за разговорами».

Так и собирались люди. Хорошо им было в теплой горнице да за дубовым столом на скамейке у печи. Наговорившись вдоволь о том, что у каждого лежало на душе, они слушали историю древней христианской церкви и удивлялись тому, как же люди могли столько выстрадать за веру.

Но когда Адам по вечерам начал читать отрывки из Священного Писания, некоторые перестали приходить. Вот уж правда: вол знает своего хозяина, а осел — ясли своих господ, и только человек, сотворенный по образу Божьему, не хочет слышать голоса своего Господина и Создателя, не желает познать Его волю, чтобы исполнять ее⁵.

Адам и не подозревал, что выгнал односельчан из дома Священным Писанием. Сам же он

с каждым днем любил его все больше и больше, да так, что частенько, когда домашние уже крепко спали, он все еще продолжал читать, забывая об усталости. И когда он сидел вот так тихими зимними ночами, ему иногда казалось, что вместе с ним бодрствуют безбожные и справедливые иудейские цари, святые пророки и пророчицы, послушные патриархи, по Божьему приказанию странствовавшие по миру, но сильнее всего кузнец ощущал тогда присутствие Сына Божьего.

Как-то раз, когда он читал о посещении Иисусом дома Марии и Марфы, пришла ему в голову странная мысль. А что, если бы Господь жил еще на земле и пришел к ним в дом, понравилось бы Ему у них? Остался бы Он доволен? Опустил Адам голову на ладони, задумался. Аничкой Он наверняка остался бы доволен — она никому злого слова не скажет, всякому старается помочь, а уж о нас заботится так, как никто другой не смог бы. Всегда веселая, песни поет, и жалобы от нее никогда не услышишь.

Адам взглянул на спящую жену — лунный свет падал на ее красивое нежное лицо, она была похожа на полевую розу. Аничка была погруже-

на в тот глубокий, безмятежный сон, который может быть только у молодого здорового человека после насыщенного трудового дня. О, ею бы Господь точно остался доволен, если бы пришел. А батюшкой? Святой апостол говорил: «Молитесь непрестанно»⁶. Вся жизнь старого Крижко и Анички была постоянной молитвой. Где бы они ни находились, что бы ни делали — они всегда думали о Боге. Да, ими Сын Божий был бы доволен.

Но представив, как сам он сидит за одним столом с Иисусом, Адам даже испугался. Ведь Он, Иисус, только разок взглянет на него — и тотчас увидит все, что творится у него на душе.

С тех пор, как ни старался, не мог он выбросить из головы эту мысль, она возвращалась вновь и вновь, не давала покоя. Разозлил его кто-то в кузнице, хотел выругаться, а не вышло. Захотел сказать, что выполнит работу за неделю, в то время как нужно было полторы, — и язык не повернулся. А раз схитрил — так спать потом не мог, всю ночь в голове вертелось: «Если бы Иисус пришел, Аничкой был бы доволен, батюшкой доволен, — а тобой?..»

Так прошла зима. Исполнялся год со дня их с Аничкой свадьбы. Адам охотно прожил бы

его заново — таким он был хорошим. Не прочь была прожить его еще раз и Аничка.

Ранней весной в их дом прибыл маленький гость. За ночлег не платил, но все только и делали что исполняли его приказания. Днем он забавлялся, а ночью не давал спать, однако же его не прогоняли. Наоборот, о нем заботились, словно о драгоценном бриллианте в золотой оправе.

Каким же он был красивым! Глазки как незабудки, личико будто из шелка, ротик малиновый, волосы темные — похож на батюшку и на матушку и обоими одинаково любим.

Адам уже не мог спокойно ковать с утра до вечера — он должен был забежать в дом хотя бы на минутку, чтобы полюбоваться на своего сыночка. Иногда он оставлял черные следы на его беленьких щечках. Аничка делала вид, будто сердится, но на самом деле была благодарна мужу за такую любовь к малышу.

Женщины и раньше говорили, что Адам хороший муж, а теперь некоторые стали завидовать Аничке. Ухаживал он за ней больше, чем до свадьбы. «Вот увидите, испортит ее!» — ворчали старики.

Но в целом люди не слишком интересовались ни Адамом, ни Аничкой, ни их маленьким сыном.

В каждом деревенском доме росли свои дети, поэтому не было ничего необычного в том, что еще один ребенок появился в чужом семействе.

Но ведь ребенок ребенку рознь! Когда спустя две недели крещение совершали в замке, в Нимнице и Тополеве только об этом и толковали. Рассказывали о том, как великолепно одетые господа привезли ребенка в церковь, какие пышные яства были на столе, а еще через две недели приходили два лекаря, потому что дитя захворало, госпожа графиня тоже, и пришлось взять кормилицу.

Когда пришла весна, ребенка возили в парк в красивой колясочке, и около него постоянно находились две-три служанки. А пан Рудогорский не смел даже дотронуться до сыночка — вдруг сделает что-нибудь не так, да и госпоже графине ребеночек был в тягость. В своей спальне она его держать не могла, потому что он будил ее по ночам. Малышу и кормилице выделили отдельную красивую комнатку — все стены в ней были расписаны ангелами. Лежал он там, словно эдакий маленький принц!

Дворецкий рассказал, что господин уже начал копить деньги для сына. Бог ты мой, какой счастливый ребенок!

В мае графиня отбыла на воды. «Смотрите, какая! — возмущались женщины, когда она возвратилась и привезла с собой кучу гостей. — Такие, как она, и не ведают, сколько мучений с детьми!»

Было первое воскресенье после Троицы. Пополудни Адам с батюшкой отправились в поле, так как обещали столяру Матяку посмотреть, как у него взошли озимые под лесом. Сам он хромал на правую ногу и пойти не мог, а люди говорили, что лучше было бы ему запахать посевы.

А взошло у него неплохо. Старый Крижко сказал, что видал озимые и похуже, а если Господь Бог благословит, то и жатва будет хорошей.

На обратном пути они зашли в лес. Крижко уселся в тень, Адам прислонился к ближайшему дубу, и каждый задумался о своем.

Веял летний ветерок, листья шевелились, деревья будто перешептывались друг с другом. Куда ни глянь — всюду цветы: белые, желтые, розовые. Протяжно кричали кукушки: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!», деловито постукивали дятлы, беззаботно насвистывал дрозд, а откуда-то из-за ручья, который извивался вокруг мельницы, долетала соловьиная песнь, песнь Божьей славы.

Адаму показалось, что и в горах как-то по-праздничному, по-воскресному тихо. С цветка на цветок перелетали нарядные бабочки, разноцветные, будто радуга. Одна из них уселась на батюшкино плечо. А жучки, которые тихонько шуршали лапками по листьям и коре деревьев, светились, как драгоценные камни.

«Ах, — подумалось Адаму, — вот бы и Аничка с Яничком посидели здесь, рядом с нами! Вот бы и они порадовались этому славному дню!» Если б не так далеко от дома, он непременно сбегал бы за ними. Ему и на небесах было бы грустно без своих близких. Чем он заслужил такое счастье от Бога, такую жену и такого сыночка?! Задумался он о том, как станет воспитывать сына... «Нет, слишком уж он хорош, чтобы сделаться закопченным кузнецом. Если он пойдет в родню Крижко, pošлю его учиться. Хоть руки себе по самые локти обдеру, только ему не придется так тяжело трудиться».

На соседнем дереве затараторила сорока — будто подслушала мысли молодого кузнеца и теперь высмеивала его, сплетница. Он поднялся, сел на землю возле батюшки, оперев голову о ладонь:

— Батюшка!

— Чего тебе, сынок? — Крижко повернул седую голову и посмотрел на зятя ласковыми, добрыми глазами.

— О чем думаете? Так молчим, точно поругались.

— Человек иногда не знает, куда летит его мысль, а летит она, словно птица. Да нет, даже птица так не летает. Пока мы тут сидим, вспомнилась мне моя жизнь с малых лет до сегодняшнего дня. Думал я и о том, какую счастливую долю даровал вам милостивый Бог. Будет ли так вовек или же придут плохие времена — ибо нет такого человека, чтобы всегда ему было хорошо, — если Отца Небесного не забудете, все перенесете. Он хотя и попускает, но никогда не оставляет.

Я это не раз испытал в своей жизни. Погорели мы как-то, некуда было идти. Батюшку нашего уже покидали силы, и матушка заболела. Не могу, сынок, даже передать тебе всего, только помог Господь Бог, и мы выстояли.

Когда я женился, мы с Зузанкой ничего не имели за душой, кроме Господа Бога и двух пар рук. Годами мы бедствовали, но, хотя Небесный Отец доверил нам шестерых детей, такой нужды, чтобы умирать с голоду, никогда не знали.

Всех подняли на ноги. А когда кто-то из детей подрастал и начинал нам помогать, забирал его к Себе милостивый Бог.

Глубокий вздох прервал слова старика — тяжело ему было об этом говорить.

— Батюшка, как же вы это пережили? Я бы не смог! — Адам поднялся с земли.

— Не смог? Эх, сынок, человек, отданный воле Божьей, все должен пережить. Когда умирал мой старшенький, я бранил Бога за то, что Он его у меня забирает. Стал ходить по церквям, молиться за ребенка. Звали доктора, выполняли все советы — ничего не помогло. Нам он был дорог, а Богу дороже — Он его и взял.

Так же забрал и остальных. Когда Ондришко пришел как-то больной после работы, я уже знал — ничто ему не поможет. «Батя, — говорит он, — как вы думаете, я выживу?»

У меня сердце сжалось, но я подумал: «Зачем от него скрывать? Не на чужбину ведь пойдет, а к Богу, который его мне даровал». — «Вряд ли, сынок», — говорю. Он крепко обнял меня и заплакал. «Не плачь, Ондришко, ты ведь знаешь, что говорит Сын Божий: „Кто верует в Меня, имеет жизнь вечную“». — «Знаю, батюшка... Только я не за себя плачу, а за вас. Кто же станет заботиться

о вас и об Аничке, раз мы все у Бога будем?» — «Господь Бог позаботится, дорогой сынок».

Так и вышло. Он и заботится и об Аничке, и обо мне. Моих сыновей забрал к Себе, а нам подарил тебя. Что Бог ни делает, все к лучшему. Даже если мы Его не разумеем, Он нас понимает.

— Храни меня Бог, батюшка, от того, чтобы я такое пережил!

— И ты бы пережил, сынок, если б была на то воля Божья.

— Не верю я, что человек может привыкнуть к несчастью.

— К несчастью?! Эх, сынок!.. То, что мы с моей Зузанкой пережили, вовсе не было несчастьем.

— Как не было?

— Не было — бедность и мирный труд не так уж плохи, как думают люди. А что у нас поумирали детки — так они же были порядочными; уважали нас и слушались, помогали как могли; благодарили нас за родительскую любовь, жили по воле Божьей. Это не несчастье.

Я знаю отцов, которые воспитывали детей не для Бога, не для себя, а для света. Вот это несчастье — если сын стыдится отца или заставля-

ет родителей стыдиться самих себя. Были у нас знакомые — так нашла на них гордыня, хотели из своих детей господ сделать. Вот и сделали. Только у такого сына и спросить нельзя, где живет его отец.

Задели батюшкины слова Адама. Вскочил он, прислонился к дереву и сказал тихо:

— Так ведь нет же ничего плохого в том, что отец старается, чтобы его сыну лучше жилось на свете?!

— Нет, сынок, немало было настоятелей и разных других господ, в жилах которых течет крестьянская кровь. Я говорил лишь о вырожденцах. Кто хочет и может сделать жизнь сына лучше своей — хотя бы он и был вдали от родителей, — тот хорошо поступает, отдав порядочного юношу учиться. А плохо вот что: когда родители посылают детей учиться и хотят, чтобы они потом остались с ними.

— Но они всегда будут детьми своих родителей, где бы ни находились — при них ли или где-то в другом месте. И если мой сын станет господином, он все равно останется моим ребенком до самой смерти, — возразил Адам.

— Ты прав, сынок, но чем умнее станет он, тем большим невеждой будешь ты. Он выучится

чужим языкам, чужим обычаям. Не захочет даже есть за одним столом с тобой и твоим народишком. Все это его уже не будет касаться, потому что он — не из твоего круга, а в мире во всем должен быть порядок. У него свои заботы, у тебя — свои, и вы друг другу пожаловаться не сможете. Ему понадобятся три комнаты, заставленные мебелью, а ты живешь в одной вместе с семьей.

У моего кума вот тоже сын — нотариус. Так когда кум у него бывает, то не знает, где и как усесться, потому что господские стулья под ним прогибаются. С внучатами вообще еще не общался — не умеет он по-венгерски. А как пришел к куму нотариус — однажды он был с женой, — то кума не знала, чем их угостить. Сделала все, что сумела, а им все равно не понравилось.

Я всегда так думал: если отдашь детей учиться — сделаешь добро другим, потому что умные и ученые люди нужны, но для себя ты их все равно что похоронишь.

— Ну вы меня озадачили, батюшка! А я как раз думал Яничка послать учиться, когда подрастет.

— Яничка? — испугался Крижко. — Делай как знаешь, сынок, только остерегайся гордыни

и не думай, что, сделавшись господином, он будет счастливей!

— Зато ему не придется исполнять чужие приказы, как нам.

Покачал Крижко головой.

— Неправда, сынок. Ты сделаешь работу, отдашь заказчику, тебе заплатят; потратишься на инструменты и материалы, уплатишь налоги — и живи спокойно, никто тебе больше не прикажет, кроме Господа Бога. Ты живешь так, как хочешь и как умеешь, а господин озирается во все стороны. Во время учебы ни о чем не беспокоится, а потом не знает, с чего и начать. У каждого на поводу пойдет, только бы ему место нашли и было бы на что жить. Человеку помогать должен один Господь Бог.

В лесу они больше не задерживались — солнце начало заходить за горы, а им еще надо было пройти довольно большой отрезок дороги. Адам бы его легко преодолел, но у бабушки уже давно болели ноги.

— Как же красиво вокруг! — воскликнул Адам, глядя на поля, луга и леса, простиравшиеся до самой деревушки, освещенной солнышком. — Трудно поверить, что все это когда-то закончится.

— Вот видишь, сынок, — обрадовался Крижко. — А есть немало людей, которые не верят в новую жизнь после смерти. Как можно остаться в живых, превратившись в прах? А ведь Сын Божий сказал: «...Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет»⁷, — а потом еще добавил: «...и Я его воскрешу в последний день»⁸.

— До недавнего времени и я в это не верил, — задумчиво проговорил Адам, — да и сейчас еще не понимаю, как такое возможно. Вы же, батюшка, никогда не сомневались.

— Еще как сомневался, сынок, потому что тоже хотел понять то, что только Бог разумеет. Но когда Господь забирал у меня одного ребенка за другим и улетали они, что твои птички, которые никогда больше не возвращаются в свое гнездышко, когда их уже нигде на земле не было, а я все искал напрасно, — тогда больному сердцу было в самый раз уверовать в то, что не навсегда я их потерял, а еще увижусь и поговорю с ними, как прежде, что они расцветут, как эти увядшие осенью гвоздики расцветают по весне. Вот как Господь Бог научил меня верить! Поэтому я и говорю: что Он ни делает, все к лучшему. А Господь Иисус сказал, что неверу-

ющий в Него уже осужден, а кто верит, не будет судиться⁹.

Я заслужил вечные муки в аду за то, что знал все Писание и не верил словам Божьим. — Старик перевел дух и добавил: — Давай, сынок, я помедленнее пойду, а ты поспеши к Аничке — ей без нас грустно.

Адам, как обычно, послушался батюшки, но если бы он обернулся и увидел, с каким трудом тот передвигает ноги, непременно бы вернулся. Однако Адам задумался об услышанном.

Придя домой, взял он у Анички ребенка, посмотрел в его голубые глазки, и так ему неприятно стало от мысли о том, что его сыночек, отучившись, станет мучаться и просить у всех на кусок хлеба. Нет, пусть уж лучше с малых лет научится честно на него зарабатывать, а счастливей, чем они с Аничкой, ему и не нужно быть.

Подошел Крижко к дереву, что стояло одиноко в широком поле, и сел на межу. С горы спускались пастушки и пели:

*Эх, вода, вода глубокая!
Кто ж тобой, вода, напьется,
Когда меня земля накроет?..*

Опустил Крижко голову на землю, прижался к ней и всем своим телом почувствовал, что он вместе с Иовом может сказать: «...я отхожу в путь невозвратный»¹⁰, что эта черная земля вот-вот его накроет.

*Чернозем, чернозем,
Отдай батюшку назад, —*

пели на другом склоне пастушки гусей.

У Крижко слезы выступили на глазах: «Так будет звать и Аничка». Но потом покачал головой: «Ведь у нее есть Адам и Яничек».

Встал он и пошел потихоньку к долине. Жаль ему будет оставлять детей, жаль их печалить. Но кому не радостно идти домой, к доброму Отцу, Который обо всех заботится всю их жизнь, Который всех простил и так любит людей, что Свое единственное Дитя, Своего любимого Сына за них отдал? Кому не хочется поскорей увидеть Иисуса, Агнца, освобождающего мир от грехов, через святую и совершенную жертву, принесенную на кресте? Снял старик шапку и тихонько запел:

*Спешу я с радостью туда,
Где Бог мой ждет меня.
Без страха в сердце и без слез
За Ним шагаю я.*

Слабые глаза поднялись к горам и к небу, залитому вечерней зарей.

*Здесь лето славы вечной,
Здесь нескончаем день,
Здесь жизнь светла, беспечна,
И изобилья сень.*

*Здесь слезы с глаз Своих святых
Осушит добрый Бог;
А дьявола, врагов и смерть
Не пустит на порог.*

И в то время как он смотрел на небо, лицо его постепенно разглаживалось. Он запел громче и увереннее, как будто его слабеющие глаза прозревали что-то за этим голубым куполом:

*Здесь Агнец Божий водит
Овец своих стада
К истоку, где живая,
Прохладная вода.*

*О Агнец, помоги мне,
Ты благ и всемогущ,
Возьми меня с собою
В обитель райских кущ!*

*Я недостойн рая
За гордость и за ложь —
Твоя любовь сильнее,
Ты грешника спасешь.*

В деревне зазвонили к вечерне, и оживший металл отозвался торжественным басом: «Аминь-аминь-аминь!» — словно эхо, пришедшее с неба и зовущее: «Домой-домой-домой!»

Адам с Аничкой вышли навстречу батюшке, так как его долго не было. До дома его скорее донесли, чем довели, тревожась, уложили в постель. Надеялись, что до утра старик отдохнет и его силы восстановятся. Но напрасно. Утром Крижко захотел встать и не смог.

— Дети мои, — сказал добродушно, — идите работать, а я полежу.

Они ушли, но охотно прибегали каждую минуту посмотреть, не нужно ли чего батюшке. Так продолжалось до самой среды.

В среду пришла старуха Матейка, посидела минутку возле больного и говорит:

— Сынок, не хотела я этого Аничке говорить, но тебе скажу: готовьте все, что нужно, батюшка недолго с вами пробудет.

Адам бросил на землю железный молот, посмотрел мрачно на жену, но ничего ей не сказал, а побежал к тестю:

— Батюшка мой, скажите правду, что у вас болит, где? Матейковой старухе жаловались, а нам ничего не рассказываете!

— Не жаловался я, сынок. А почему ты так испугался? Я уже стар, вдоволь с вами пожил. Отпустите меня к другим детям, которые меня опередили.

— Нет, батюшка, ведь вы не настолько больны, бывают болезни и похуже. Пойдемте к доктору, я видел только что, как он проезжал мимо, в замок ехал, — пойдемте к нему.

— Не нужно тратиться, сынок.

Напрасно отец отговаривал. Подошла Аничка, узнала, в чем дело, и принесла мужу одежду.

Крижко стало ясно, что дети будут о нем жалеть. Ему бы радоваться оттого, что он был им так дорог, а его расстроило их горе. Видел он также, что не может им помочь. Он мог бы поз-

волить себя уговорить и остаться с ними. Но как не послушать Божьего зова, когда тот свет, что в тебе горел и другим светил, на исходе?!

Адам так спешил, что и не заметил, как оказался в господском саду. В другой раз ему было бы неприятно входить в него, но сегодня он думал только о больном отце.

Недалеко от замка он остановился. Под широким кленом, на дорожке, усыпанной мелким песком, стояла маленькая детская коляска, а из нее, упершись ручками в бортик, выглядывал маленький ребенок. Адам вспомнил Яничка. «Ему бы тоже впору была такая колясочка, но одного его в ней я бы никогда не оставил!» Если ребенок попытается встать, то он упадет вниз головой. Смотри-ка, высвободил малыш из пеленок одну ножку, уперся коленкой, а когда у него не получилось, скривил ротик, чтобы жалобно заплакать.

Молодой кузнец не мог удержаться и не помочь ребенку. Тот посмотрел на него карими глазками, блаженно улыбнулся — слезки осели на золотых ресницах, словно диаманты.

Кузнец взял его на руки и, разговаривая с ним, как со своим Яничком, поправил ему тем временем перинку в коляске.

— Что вы делаете с моим мальчиком? — крикнул ему кто-то из-за спины.

Адам обернулся и увидел высокого господина со строгим лицом. Он подумал, что этот господин смотрит за ребенком, поэтому поздоровался и сказал напрямик:

— Почему вы оставляете его одного, пане? Если бы я не пришел, он бы выпал из коляски.

— Одного? — Господин только теперь увидел, что далеко вокруг нет ни души. — Мы его здесь оставили, — сказал он, будто обращаясь к самому себе, — а я читал и думал, что он спит.

Ребенка посадили в коляску. Он взял резиновую куклу из рук Адама и засмеялся. За ним рассмеялся и отец, обрадовавшийся смеху малыша, и Адам к ним присоединился.

— Вы женаты? — обратился к нему господин.

— Да.

— А дети есть?

— Мой мальчик на несколько дней старше вашего, пане.

Серьезное лицо мужчины просветлело.

— Вы пришли ко мне? — спросил он приветливо.

Адам вспомнил о цели своего посещения и мысленно укорил себя: «Ты тут развлекаешься, а как же батюшка?»

Рассказал он, зачем пришел.

— Так вы — мой кузнец, Дубравский. Да, доктор здесь, мы его к вам пошлем. Я не знал, что у вас есть еще и отец.

— Это мой тесть, но он для меня значит больше, чем десяток отцов, — ответил Адам.

Поблагодарил он господина и поспешил домой, но напоследок попрощался и с малышом. Господин больше не делал ему замечаний.

— Пускай милостивый Бог благословит и сохранит его, пан Рудогорский! — пожелал он на прощанье.

Еще долго пан смотрел ему вслед. Давно прошло то время, когда он верил в Бога. Ему понравился этот стройный, красивый кузнец, понравилась его смелая манера говорить, его сердечное словацкое «вы», «пане». Он бы охотно с ним еще побеседовал — ведь так тяжело найти на свете человека, у которого по глазам видно, что он не хочет тебя обмануть.

Лекарь догнал Адама в карете, и молодой кузнец сел в нее, чтобы поскорее доехать.

Лекарь был молод, у него только-только начали пробиваться усики.

— Что там с вашим стариком? — спросил он.

Адам посмотрел на него. Никто еще так батюшку не называл.

— Не знаю, — ответил он и рассказал, как они в воскресенье ходили вместе в поле и как с тех пор батюшка слег.

— Это ваш отец?

— Тесть, господин доктор.

— И вы о нем так беспокоитесь? Это должен быть необычный тесть. Надеетесь, что вам от него достанется куча тряпья?

Если бы Адаму не было так плохо, он бы соскочил с кареты — до такой степени ему стало противно оттого, что этот человек едет к нему домой. Он промолчал в ответ.

Лекарь зажег сигару, а другую протянул кузнецу:

— Прикурите.

— Спасибо, я не курю.

— Правда? А почему так?

— Деньги зарабатываются с трудом — зачем же пускать их на ветер?

— Неплохая мысль. Небось старик не разрешает, а жена старостой грозитя.

Это было для Адама уже слишком.

— Пан доктор... — начал он.

В это время карета остановилась перед кузницей. Пересилил себя Адам, повел лекаря к ба-тюшке, а самому ему надо было идти в кузницу забирать работу. Они встретились с доктором уже позже, во дворе.

— Пошлите со мной ученика, пусть принесет лекарство. Каждые два часа по ложечке — это для успокоения и для сна.

— А что с батюшкой?

— Дряхлый он, но ничего у него не болит. Время пришло — вот и умирает. Так что готовь-тесь.

«Как же он может так говорить?» — подумал Адам. — Такой молодой, а сердце словно каменное».

Теперь он начал понимать батюшкины слова: «Чем умнее будет он, тем большим невеждой будешь ты». «С господами он, наверное, так не обращается, а о нас думает, что мы бесчувственные».

А как же иначе — ученые мужика в грош не ставят, хотя живут рядом с ним.

Помощник принес лекарство, но Крижко им не воспользовался.

— Если я его приму, — сказал он, — у меня замутилось сознание. Позвольте мне, дети, умереть в доброй памяти.

Ему позволили. Аничка плакала по углам; Адам, если бы не стыдился, тоже плакал бы, но перед батюшкой они ходили с веселыми лицами.

Крижко привел в порядок свои вещи, примирился еще раз с Богом и с людьми в пятницу вечером и уговорил детей и женщин, пришедших за Аничкой, спеть ему «Полный милости, любви», «Иисус, не оставлю Тебя» и «Будет всегда то, чего мой Бог захочет».

Он попросил Адама почитать ему из сборника библейских отрывков. На тот день выпал такой текст: «...мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»¹¹.

Старик помолился вместе со своими детьми, поблагодарил их за любовь и за то, что они так скрасили последние дни его жизни. Каждому по отдельности наказал пребывать в любви и не оставлять Бога. Благословил их и Яничка, и Томаша с подмастерьем благословил — для каждого у него нашлось доброе слово.

Потом он попросил Адама принести воды и перевернуть себя на левый бок, чтобы немного

поспать. Да уснул так крепко, что ни Аничкин плач, ни рыдания Томаша не разбудили его.

Адам и Аничка проводили батюшку в последний путь как могли лучше. Отовсюду на его похороны приходили люди. И не один отец, не одна мать завидовали той искренней любви, с которой его оплакивали.

Старый Крижко жил на свете, как свеча на алтаре, зажженная в честь Бога. Он светил всем людям, а когда фитиль догорел, он погас. Послужив Богу и людям, он уходил туда, где каждый получит соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое¹².

— Не плачь, Аничка! — сказал Адам жене, когда они возвратились в опустевший дом, — батюшка навеки счастлив; и мы когда-нибудь к нему придем. А теперь у меня есть ты, у тебя — я, а у нас есть Яничек.

У нее был он, у него — она, и был у них Яничек, но все равно немало времени прошло до тех пор, пока они не привыкли, что им не с кем больше делить радости и печали, что некому дать им совета. Им не хватало его летом, не хватало осенью, но больше всего — той долгой зимой. Сколько раз они готовы были побежать за

ним на кладбище, если бы знали, что он вернется вместе с ними!

Зимой Адам много читал Слово Божье. Чем больше он погружался в эту святую книгу, тем больше видел, что то, как живут люди, не может быть угодно Богу.

Они ходили в церковь, слушали проповеди, но ничего не исполняли. Ежедневно повторяли десять заповедей, однако же и в Нимнице, и в Тополевой было полно жадных, завистливых людей. Клеветали друг на друга, судились, лгали, воровали, — а если кто об этом знал, не мог рассказать, а то еще подожгут. Едва можно было бы найти порядочного юношу. Часто по ночам в деревне были слышны крики, пение; компании полупьяных, распущенных парней приставали то к одной, то к другой девушке. А потом, когда кто-нибудь из них женился, всегда находилась пара девушек, которые протестовали на оглашении.

Иногда Адам думал: «Бог все это видит, слышит — как же Он может терпеть?»

Той зимой женщины не приходили прясть в семью кузнеца, не приходили и мужики. Крижко не было, а Адамовы наставления о том, чтобы

они не проклинали, не клеветали, не произносили злых речей и имени Божьего напрасно никому не нравились. Он был молод, и на него злились, что он взялся их поучать. А люди никогда не прощают тому, кто хочет жить по заповедям Божьим, кто хочет быть лучше, чем они сами.

Кроме того, женщины считали Аничку гордичкой — она никогда не выходила из дому ни в будни, ни в воскресенье, а была все время с мужем да за ребенком смотрела, — хотя это была неправда. У Анички было много дел. Мальчик начал бегать; при этом надо было готовить на трех мужиков, стирать для них, следить за огородом, гумном, коровой — и некому было даже пожаловаться. И Адам еле успевал — столько у него было работы.

Томаш пришелся им очень кстати: за все брался без приказаний и помогал чем мог. Он стал для них как младший брат. Зимой Аничка научила парня читать и писать — еще батюшка в свое время начал обучать его. Он был им за это очень благодарен. Целыми вечерами, если не было работы, он вместе с подмастерьем тренировался в чтении.

Когда Аничка заканчивала хлопотать по хозяйству, то радовалась, что может немного

поговорить с мужем. В воскресенье они вместе выходили в поле, а когда было холодно, то сидели у теплой печи с Томашем и подмастерьем, и так проходил день за днем.

Женщины завидовали, что Аничка живет с мужем в согласии. Сговорились они и послали старую мельничиху на разведку.

Застала она Аничку, доившую корову, с Томашем, который ворошил сено. Он рассказывал ей что-то веселое, и она ему приветливо улыбалась. Томаш похвалился мельничихе, что хозяйка купила ему теплый платок и принесла с ярмарки шапку. Он рассказал о ней самое лучшее, в том числе и то, что она научила его читать.

Пошли по деревне слухи. Адама называли дураком, который держит в доме любовника, злобно ругали Аничку: «Такую святую из себя изображает, а сама...»

Наконец дошла сплетня и до Адама. Ни за что бы бондарь Лани не подумал, что Адам так силен, — не успел опомниться, как вылетел вон из кузницы. «Будешь теперь ко мне в дом ходить наговаривать на мою жену! — закричал Адам ему вслед. — Чтоб глаза мои тебя здесь больше не видели!»

Лани хотел было пожаловаться, да не было свидетелей. Не пойдет он больше к Адаму советовать, как жену крепче сторожить.

Бросил Адам молот и железо, схватил шапку и выбежал в поле. Он был вне себя от гнева. Сам он прекрасно знал, какой верной женой была Аничка — такой хорошей, что не было ей подобных. А вся деревня сплетничала о ней только потому, что она была внимательна к бедному человеку и заботилась о нем, как о брате. Если бы люди болтали что-нибудь о нем самом, он бы им это без труда простил, но о ней!

А если бы и ей что-нибудь про него рассказали, она бы поверила? Нет, не поверила бы. В этом он был убежден. Бог все видел, Сын Божий пребывал с ними день за днем, знал, что они любили и уважали друг друга и что будут так жить и дальше.

«Однако, — подумал Адам, немного успокоившись, — чтобы Аничку напрасно не ругали, Томаша надо отправить восвояси. Он уже одет, обучен — какой-нибудь кузнец обязательно наймет его». Адам и не подумал, что, выпроводив Томаша, он даст людям повод убедиться, будто нашел в нем вину.

Он отправился напрямик во двор. Томаш ворошил на чердаке сено. Адам внимательно по-

смотрел на него. «Как же он изменился с тех пор, как поселился у нас: постройнел, повзрослел...»

Аничка как раз вышла из прачечной и расправляла на веревке простыню.

— Брось мне сена, Томашко! — кричит снизу.

Адам снова почувствовал укол в сердце. Посмотрел он на них минутку... потом отвернулся и молча пошел в батюшкину комнату.

Там он положил руки на стол, уронил на них голову и чуть было не заплакал сам над собой. Вот ведь какая страшная мысль им овладела!

«Аничка такая красивая; мне она нравится, разве она не может понравиться и ему? — подумал он, выходя на улицу. — Ну и что с того, что он был бродягой и нищим и только у нас стал человеком, — и у него есть сердце, как у меня... Но она моя жена! Лучше бы я его сбросил с чердака!»

Адам почувствовал, что не может уйти, пока не сделает этого, — и тут же раскаялся. Ему было стыдно за то, что он осуждал Томаша и даже готов был убить, хотя Господь Иисус видел его невиновность.

Невыносимо тяжело стало у него на душе, во время ужина он едва превозмог себя, чтобы другие ничего не заметили.

Потом он пошел в кузницу и начал ковать. Искры разлетались во все стороны, пламень освещал закопченные стены и мрачное лицо кузнеца.

Томаш пришел вслед за учителем, удивленно посмотрел на него и не удержался:

— Дядюшка, что с вами?

Адам прервался, оставив молот в огне.

— Это ты, Томаш? — отозвался он. — Я вот что хотел тебя спросить: когда ты собираешься от нас уходить?

— От вас? — Сердце Томаша испуганно забилось. — А зачем мне от вас уходить?

— Ты не по найму работаешь, я не могу тебе платить, — пробормотал Адам, не глядя на Томаша. — У меня много не заработаешь. Я знаю, что кузнец в нашей родной деревне с радостью возьмет подмастерье, если я ему напишу, — плохо тебе там не будет. Пора бы уже подумать о будущем.

— Что я вам сделал, дядюшка, что вы меня прогоняете? Может быть, я вас не слушаюсь? Если вы заметили что-нибудь плохое за мной, накажите меня, избежите, только не гоните! Пока я к вам не пришел, я даже человеком не был. Всему, что я умею, я обязан вам. Лучше уж у вас

сухая корка, чем мясо в другом месте. Одежда у меня теперь есть, да и после покойного дядюшки мне вещи отдали, так что я обойдусь, еще долго мне от вас ничего не понадобится! — умолял бедный Томаш.

Слезы отчаяния потекли у него из глаз; он с мольбой глядел на безмолвного учителя.

— Ах, в чем я только мог провиниться, что вы меня из дома отсылаете!

Посмотрел Адам на ученика и глубоко вздохнул.

«Ты — ни в чем, а вот я!» — хотелось сказать ему. Он уже понял, что Томаш совершенно не виновен. Люди напакостили кузнецу, да и сам он себе — тоже.

— Я сказал тебе, что ты у нас не заработаешь, потому что сам я тебе, кроме еды и одежды, ничего больше дать не могу, — ответил Адам серьезно. — Но если ты доволен и не хочешь уходить, то оставайся.

— Дядюшка!

Полоснула Адама по сердцу благодарность Томаша, обожгла и мысль о том, что он не может признаться ни ему, ни Аничке в своих подозрениях. Им не может, а Богу может! В эту ночь он впервые ощутил, каково грешному человеку,

стоящему на Божьем суде и молящему о милости, а также то, каково человеку, прощенному Богом, с которого кровь Иисуса Христа смывает все грехи.

С того дня Адама не волновали людские толки. Он жил, как заповедал Бог, и знал: если с ним случится беда, только Господь ему поможет.

Томаш остался в кузнице. Они и дальше воспитывали его, как младшего брата. Люди перестали клеветать — как наговорили, так и наговорились.

Селяне заметили, что Адам с некоторых пор стал приветливей и как-то веселей. Для каждого у него находилось дружеское слово; никто уже не мог обвинить его в гордости.

Перестал он упрекать и вразумлять людей, но если кузнецу случалось упомянуть Сына Божьего, глаза его просто искрились от радости. Соседи охотно заходили в кузницу и по делам, и просто потолковать о жизни.

Однажды он встретил Лани. Бондарь замер в ожидании того, что скажет Адам. Он уже приготовился дать отпор.

— Лани, — начал Адам, — нехорошо мы с тобой тогда поговорили. Ты очень обидел и меня,

и мою Аничку, но и мне не следовало так уж злиться. Я тебя прощаю, да и ты меня прости.

Этого Лани никак не ожидал.

— Адамко, — пробормотал он, — сам-то я так плохо о тебе не думал... Но ты прав, я нехорошо сказал тогда. Если бы старые бабы не насплетничали, не было бы и греха.

Адам покачал головой:

— Этот грех сидит в нас самих. Человек его познает лишь тогда, когда падает, словно покосившийся сарай. Одно хорошо: когда мы грешим, у нас есть заступник перед Отцом, справедливый Иисус Христос.

Мужчины пожали друг другу руки, и никто на свете так и не узнал, что произошло между ними.

На село опускались сумерки, и можно было петь:

*Солнышко падает ниже и ниже,
И ночи тень все ближе и ближе!*

Адам подковывал коней перед кузницей, а когда возничие ушли, посмотрел им вслед.

— Адамко, иди ужинать! — позвала Аничка.

— Папа, ам-ам! — услышал он и детский голосок.

— Сейчас, Яничко!

Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг на дороге показалось облако пыли, и вскоре перед кузницей остановилась карета.

— У нас упряжной потерял подкову, — закричал из кареты пан Рудогорский. — Хорошо, что вы на улице, подкуйте мне его побыстрее, я спешу!

Адам пошел за подковой и попросил пока разнуздать и отвязать коня.

— Мы и так сильно задержались, правого не отвязывай! — возразил пан.

Адам заметил, что кони молодые, ретивые — фыркают и подскакивают, стоит только к ним приблизиться. Левый пристяжной не давал сдвинуть с места копыто.

— Я не смогу подковать, пане, если вы не позволите его выпрячь.

— Вы должны подковать! Я буду держать узду, не может быть, чтобы мы втроем не справились.

Адам принес молот, приложил и прибил подкову, взял напильник... В это мгновение перед конями пролетел клубок подгоняемых ветром ко-

лючек — кони заржали, встали на дыбы, правый вырвался у кузнеца, оттолкнув его от себя, стремяного ударило упряжью, и лошади понеслись диким галопом, словно вихрь. Напрасно пан пытался удержать узду — ему это удалось лишь до первого препятствия. Когда колеса скособочились и он ухватился за седло, чтобы не упасть, узда вырвалась у него из рук. Почувствовав свободу, кони еще быстрее рванулись вперед — они уронили пана, сбросили сбрую и помчались к нимницкому парку.

Возница у кузницы поднялся с земли, постарался догнать коней, но не смог. Увидев, что карета разбита, он подбежал к господину. Тот лежал без чувств на прибережных камнях, из головы текла кровь. Возница закричал мужикам, косившим неподалеку. Услышав его, они прибежали, соорудили носилки из кормушки для сена и понесли пана домой.

Вскоре пан Рудогорский был уже в замке. Хорошо хоть, что врачи оказались рядом.

Гости, собравшиеся в тот день у господ, превали развлечения, госпожа графиня упала в обморок; один лекарь приводил в чувство ее, другой — пана.

Врач обнаружил у него перелом левой руки и серьезную рану на голове, а кроме того — множество ушибов. Пан пришел в себя лишь на минуту, и лекарю показалось, что он сказал: «Осмотрите кузнеца».

Его стоны страшно было слушать. Послали в город за сиделкой. Похоже, поправится он не скоро.

Госпожу графиню взяла к себе графиня Z. — как бы, бедняжка, сама не захворала. Лекарь сказал, что ей будут ежедневно телеграфировать о состоянии пана.

На Нимницу опустилась печаль: умолкла музыка, прекратились пение и танцы. Люди сочувствовали господам, которых постигло такое несчастье. Кто теперь будет гулять по новому парку, раз господин при смерти, а госпожа уехала?

Но печаль опустилась и на дом кузнеца.

Испугавшись сильного грохота, Аничка выбежала во двор, увидела мчащихся галопом коней, бегущего возницу — и в ту же минуту у нее потемнело в глазах. Возле пня лежал ее Адам.

— Адамко! — закричала она так, что с горных вершин отозвалось эхо ее испуганного вопля.

Она немного приподняла голову мужа, вытерла окровавленную пыль с его бледного лица, и ее горячие слезы вывели Адама из беспамятства.

Он открыл глаза:

— Аничка, что случилось?

— Не знаю, Адамко... Если ты можешь, встань, дорогой! У тебя из головы течет кровь, ты, наверное, ударился...

— Не плачь, Аничка! — Адам хотел вскочить, но не смог — лишь приподнялся на колени, но, не удержавшись, упал.

— Аничка, пожалуйста, принеси мне воды и позови Томаша, он сильнее, — попросил Адам.

Томаш прибежал и без зова, испугавшись крика Анички. Вместе они внесли Адама в горницу — сам он не мог идти.

Они его умыли, раздели. На голове у кузнеца была рана от копыта, а на боку, где ребра, — иссиня-черные кровоподтеки.

Ученик побежал за старухой Матейка. Когда она пришла, кузнеца лихорадило, у него поднялся жар. Он попросил Аничку принести немного молока.

— Тетушка, — стал он рассказывать женщине, — я подковывал коня пану из замка. Он не позволил выпрячь; кони заметались, левый уда-

рил меня по голове и сюда, в бок — вот у меня и опухло. Меня аж залихорадило от сильной боли. Не оставляйте, пожалуйста, Аничку! Я ее так напугал, бедняжку...

— Нехорошая история, сынок. Надо пырей приложить, пойду принесу из дома.

Принесла женщина пырей, приложила. Но когда к утру весь бок опух и почернел, она посоветовала позвать доктора. Адам сперва не хотел, и Аничка стала его упрашивать.

— Адамко, тебе ведь так плохо, — беспокоилась она.

Он погладил ее по лицу.

— Аничка, ты помнишь, что батюшка говорил: «Что Бог ни делает, все к лучшему». Мы Его не понимаем, а Он нас понимает. Видать, мне необходима эта болезнь, а тебе — такое мучение со мной, чтобы доказать, что мы Ему сохраним верность и в злые времена.

— Лучше бы это случилось со мной... Я бы все перенесла, лишь бы ты был здоров! — Она горько заплакала.

— Было бы хуже, Аничка. Что бы мы без хозяйки делали? Помнишь, когда родился Яничек — слава Богу, длилось это лишь пару дней и батюшка был с нами, — мы едва управлялись.

Чем больше нам станет помогать Господь Бог, тем больше у нас будет радости.

Пришел лекарь. В этот раз он не шутил — посмотрел на кузнеца, обследовал его. Аничке пришлось рассказать, как все случилось.

— И вы не держите зла на пана Рудогорского, который ради своей прихоти довел вас до такой беды? — спросил доктор.

Адам открыл глаза:

— Нет, не сержусь. Прощайте, и простится вам.

— Ну так знайте, что он и вам причинил зло, и сам хорошенько пострадал.

Тут Адам с Аничкой обо всем и узнали.

— Бедный пан Рудогорский! — вздохнул Адам.

— Неужели госпожа графиня уехала? — развела руками Аничка.

— Должна была уехать. Мы ее отослали, чтобы она не заболела.

— О, меня бы вы живой куда отсюда не отослали! А если бы я от болезни не владела ногами, то на коленях приползла бы к моему Адаму!

Лекарь приветливо посмотрел на Аничку. Он еще задержался в семье кузнеца: учил Аничку и

Томаша, как ставить примочки, как перемещать больного, как подкладывать ему подушки. Адам мысленно попросил у него прощения, так как раньше плохо о нем думал.

Когда лекарь уходил, Аничка, провожая, со страхом спросила его о болезни мужа. Врач нахмурил брови.

— Если будете хорошо за ним ухаживать, он выживет. Но вы должны приготовиться к долгому выздоровлению, так как у него сильные повреждения. Теперь пару дней ему будет очень худо. Но завтра я непременно приду! Не смотрите на меня так испуганно и не плачьте при нем, не заставляйте его волноваться — у него достаточно переживаний о самом себе. Другой бы на его месте орал от боли. Радуйтесь, что кони его не убили!

Лекарь уже ушел, а у Анички все вертелось и вертелось в голове сказанное им... Эти страшные, страшные слова! У Адама сильные повреждения, он чувствует сильные боли и преодолевает себя только ради нее... Он не должен волноваться, а от того, будут ли за ним хорошо ухаживать, зависит его жизнь...

«Человек иногда должен наступить на сердце», — говорил когда-то батюшка. Она и хотела

на него наступить, чтобы он не увидел ее слез, чтобы не опечалился, — ведь ему, горемыке, хватает и своих печалей. О том, на что они будут жить, если Адам не встанет на ноги и не сможет зарабатывать, Аничка не задумывалась.

Она ухаживала за мужем так, что даже доктор удивлялся способностям этой молодой крестьянки. Адам никогда не видел ее слез, а когда ему самому хотелось стонать от боли, он превозмогал себя. И днем, и ночью она всегда приходила на его зов. Если ей надо было отлучиться, она оставляла сидеть возле постели подмастерье; когда надо было перевернуть больного, звала Томаша.

Готовила Адаму то, что велел доктор, хотя иногда сама не знала, с чего начать — то ли пойти подложить мужу простыню под бок, то ли взять на руки Яничка, чтобы не плакал и батюшку не сердил, то ли сходить посмотреть за коровой, а потом на кухню...

В первые дни к ним приходила старуха Матейка, но потом у нее заболела замужняя дочь, и ей пришлось уйти в Тополеву. Аничка осталась без помощницы.

Только ночью, когда Адам засыпал и было слышно, как он жалобно стонет, она уходила и

плакала возле колыбели, и непонятно, как у нее не разорвалось сердце. И если верно, что молитва пронзает небеса, — ее молитва должна была пронзить их; и раз написано, что просящий получит, — она должна была получить у Небесного Отца жизнь и здоровье для Адама. Где бы она ни находилась, она непрестанно молилась об этом.

Теперь ей стало ясно, что имел в виду апостол, когда сказал: «Непрестанно молитесь»¹³. Не может быть, чтобы Адам умер, оставив их здесь одних: Яничка — сиротой, а ее — покинутой вдовой! Поначалу ей казалось, что этого невозможно допроситься, сам лекарь не мог поручиться за жизнь больного. Но потом Адаму полегчало: боли немного отпустили и появился аппетит, — только встать он никак не мог. Лекарь сказал, что пройдет еще немало времени до тех пор, пока он снова начнет ходить.

В замок приходили уже два лекаря, потом позвали и третьего. Оказалось, что сломанная рука неправильно срослась, поэтому пришлось ломать ее еще раз. Пан перенес ужасную боль.

Пока он чувствовал себя очень плохо, за ним нетрудно было ухаживать — оставалась воз-

возможность заниматься другими делами. Но когда самое худшее осталось позади и рана на голове зажила, пан изнемогал от скуки — ведь ему не с кем было даже поговорить.

Те дни казались Рудогорскому невыносимо длинными. То один, то другой лекарь ненадолго задерживался у постели больного — так и шло потихоньку время.

Работницы говорили: «Была бы у пана жена под стать его положению и возрасту — сидела бы теперь возле него и он бы перенес болезнь легче. А так он мучается в одиночестве, а она развлекается себе у графини Z. как ни в чем не бывало».

Все же она дважды заехала посмотреть на него: один раз пан за ней послал, а другой она сама приехала. Дворецкий сказал, что ей нужны были деньги, чтобы отправиться на воды, и она явилась за ними.

Пан был зол как собака, не пускал ее, даже заявил: «Если ты сейчас уедешь, назад можешь не возвращаться». Таким образом, госпожа оставалась в замке несколько дней.

Дальняя моравская кузина пана узнала, какое с ним случилось несчастье, и приехала его навестить. Увидев же, как он ей обрадовался и как

он одинок, несмотря на богатство, она захотела остаться, чтобы за ним ухаживать. Это была уже немолодая женщина, одевавшаяся в короткий полшубок и плиссированную юбку, говорила она только по-моравски. Прежде ей не приходилось иметь дела с господами.

Госпожа графиня не возражала, чтобы она ухаживала за ее мужем и получала за это хорошие деньги, но пан хотел, чтобы жена принимала ее как члена семьи и обходилась с ней подобающим образом. Это было уже слишком. Для нее крестьяне — всего лишь слуги.

Она напомнила ему о своем графском титуле, на что он ответил, что, выходя замуж за крестьянина, она прекрасно знала, кого берет в мужья. На том они и расстались.

Пан не захотел расстаться с кузиной, а пани графиня не могла жить с ней под одной крышей. Она написала мужу записку и уехала, и пан за ней больше не посылал.

Но Рудогорская узнала о том, что из-за нее между супругами вышла размолвка, и попросила пана поправить положение, сказав ему:

— Не надо было ее брать за себя, раз она не из твоего круга. Не по любви вы поженились, потому и не радуете друг друга. Жена твоя не

для тебя живет, а другим в утеху. Она молода, неопытна, еще в самом расцвете сил, а ты уже в летах. Относись к ней получше, ведь ты старше и мудрее. Она в твой круг не войдет — это тебе надо войти в ее круг. И не забывай, что лишь недавно минуло то время, когда господин принимал нас, крестьян, за немую скотину. Так эти господа до сих пор не могут поверить, что все мы равны перед Богом, и детей своих воспитывают в том же духе. Жена у тебя не плохая — просто она из дурной семьи. Кровь поменять невозможно. Следи только за тем, чтобы сынок ваш, которого Господь Бог поручил тебе воспитать, не стыдился потом своих предков. Ты возгордился и совершил грех, вот и приходится теперь мучиться.

Пан не ответил кузине ни слова, но сильно побледнел. Он попросил ее съездить домой — попрощаться с дочерью и устроить дела, — а потом возвратиться и ухаживать за ним до самой смерти.

Но она не согласилась. «Я поеду, — сказала она, — посмотреть, что дома творится, а потом вернусь к тебе, но останусь только до тех пор, пока ты не поправишься и не помиришься с женой. Обманывать твою молодую жену и сеять раздор между вами я не стану. Ты и без того уже

никогда не будешь счастлив, но постарайся, чтобы по крайней мере она была счастливой и сына удалось вырастить».

Таким образом, Рудогорская возвратилась в замок и стала ухаживать за паном. Сперва лекари только улыбались, но, увидев, как она им помогала и как господин ее слушался, стали хвалить Рудогорскую. Один даже сказал: «Бывают же хорошие бабы на свете».

Пан написал жене еще два письма. Узнав, что она все-таки едет на воды, он послал карету за своим сыном, а ей — денег на дорогу.

Рудогорская стала сама заботиться о малыше: пела ему чешские песни, часами рассказывала что-то. Пан постановил, чтобы все говорили с ребенком только по-словацки. И вот после первых слов, услышанных на родном наречии, развязался маленький язычок, и за зиму он выучил то, что не удавалось за лето и осень. Вот вернется матушка весной и увидит в нем доброго словака!

Отшумела вновь Катаринская ярмарка. Возвращаясь с торгова, люди проходили мимо знакомой кузницы, кое-кто останавливался. Как здесь пусто, тихо — не слышать привычного звука мо-

лота. Когда Томаш с подмастерьем доделали начатое и то, что попроще, люди позабывали остальные заказы. Не могли же они дожидаться, пока кузнец поправится!

Аничка отослала подмастерье домой. Работы у него не было, а кормить его она не могла. Если удавалось добыть несколько крейцеров, они уходили на врача и на лекарства.

У них было отложено тридцать золотых на вторую корову — из них и брала Аничка, когда не осталось другого выхода, чтобы приготовить Адаму что-нибудь повкуснее. Она старалась, чтобы и Томаш не сидел без куска хлеба. Чем она сама жила, никому не было известно.

И как бы она управилась осенью без Томаша? Он сам обрабатывал поле и убирал урожай, ухаживал за коровой и за деревьями — словом, делал все, что умел. Когда не было работы дома, он работал на людей и приносил Аничке все до последнего крейцера. Ей ничего не оставалось, как принимать все это. «Вы же мне все равно вернете, когда дядюшка выздоровеет!» Обошел он и должников. Так подтвердилась пословица: «Друг бывает ближе, чем брат».

Когда человек болен и не слышит жалоб от домашних, он перестает о чем-либо заботиться.

И Аничка не позволяла Адаму думать о том, как и на что они живут и что будет дальше. «Ведь Господь Бог нас не оставит!» Она сказала ему, что тратит деньги, отложенные на покупку коровы. «Господь обязательно исцелит тебя, мы тут же накопим снова». А ему даже в голову не пришло, что этого на все хватить не может.

Если Аничка отходила от мужа, она оставляла ему книги, которые могли его утешить. Когда он грустил, она настаивала, чтобы они вместе спели какую-нибудь песню, или же пела сама. Иногда она усыпляла так и его, и Яничку.

Адам не знал, как ему благодарить Бога за такую хорошую жену. Как только она входила в горницу — всегда приветливая, с улыбкой, — ему уже от этого становилось легче, словно солнышко заглядывало в темницу. А Аничка благодарила Небесного Отца за то, что Адам был таким терпеливым и добрым.

Но вот подошел к концу последний золотой из тех тридцати. У Анички внутри все похолодело. Она купила Адаму мяса, а Яничку — булку. К вечеру от золотого у нее оставалось всего три крейцера — Яничку на пару булок. А потом что?

Аничка была близка к отчаянию.

Она заглянула в кладовку, посмотрела, что из продуктов можно продать. Как ни тяжело ей это далось, решила избавиться от половины зерна, а другую оставить на хлеб. Труднее всего было начало. Но постепенно одна мера за другой оказались у еврея, потом пошла и картошка. Зима выдалась морозная, нужно было много дров, а они дорогие.

Аничка не знала, отчего она так слаба. Стала молить у Бога сил, иначе что с ними будет, если и она сляжет? Позабыла она, бедная, что кроме фруктов с куском хлеба да картошки уже неделями ничего не ела.

Однажды после обеда Адаму захотелось выпить немного хорошего вина. Может быть, оно придаст ему сил? Аничка собралась купить вино, подумала, что найдет на это денег. Вошла она в кладовку... У нее даже сердце заболело — так здесь было пусто! И что скажет Адам, когда поправится? Она не нашла и пяти крейцеров — на вино этого не хватит, а продавать уже нечего.

Упала она в батюшкиной комнате на колени. Ей, как и Сыну Божьему на кресте, показалось, что Бог покинул ее. Она так верила в Него! Во всем они с Адамом доверяли Господу, жили, как Он наказывал. Господь обещал: «Просите,

и получите»¹⁴. Они просили, а Он не услышал. Оставил их погибать...

Пока Аничка верила, что Бог помогает ей, у нее хватало сил быть счастливой и приносить радость Адаму, невзирая на нужду и печаль. Потеряв веру, она утратила и силы.

— Батюшка мой, батюшка! Лучше бы я с вами лежала в сырой земле, — громко запричитала она. — Что мне, бедной, делать? Корову я продать не могу, и для Адама это было бы горем. Как же мне, грешной, быть? Господь Бог нас покинул! В доме нет ни крейцера, уже и поджарить не на чем, не из чего испечь хлеб — как я об этом скажу Адаму? Он же умрет от горя!

Аничка обрадовалась, что в этот вечер Адам рано заснул, потому что ей было невозможно говорить с ним.

Утром, когда они вместе пели, а он читал толкование Писания, Аничка ничего не понимала. За последние месяцы она уже так привыкла мило улыбаться, что и сегодня улыбалась. Адам же не подозревал, что это солнышко не настоящее, а нарисованное.

У него горел лоб, но рука, которая гладила его, была еще горячее. Аничка хотела как-то утешить мужа, но не нашла подходящих слов.

Сегодня она не могла сказать, как обычно: «Не бойся, Адам, как только Господь исцелит тебя, мы возьмемся за дело. Вот увидишь, все будет в порядке!» В сердце у нее поселилось другое убеждение: уже ничего не будет в порядке, потому что Бог их оставил.

Это ощущение еще усилилось утром, когда Томаш, которого она ждала к завтраку, не пришел. Не пришел он и к обеду. Ей нечем было кормить его, и он знал об этом — уже несколько дней Томаш питался только раз в день. В самом деле, они ведь чужие ему — вот он и бросил их. Она не имела права сердиться, парень уже сполна отработал за то, что они для него сделали. Но Аничке все равно было больно оттого, что он оставил ее в одиночестве и даже не попрощался.

Утром она принесла Яничка в горницу.

— Адамко, посмотри за ним немного, пожалуйста, я его посажу к тебе на постель.

— Давай, Аничка. У тебя какое-нибудь дело?

— Да, Адам. Вы побудете без меня только часок — я вам приготовлю все необходимое. Вот здесь молочко, если Яничек захочет; тут вода, книжки и все остальное.

Адам привлек к себе жену.

— Душа моя милая, как ты с нами мучаешься!

Она быстро отпрянула, чтобы он не видел горьких слез, которые выступили у нее на глазах.

Аничка встала перед домом, завернувшись в платок. Она знала — надо что-нибудь сделать, куда-нибудь пойти. Но что сделать, куда пойти? А раздумывать было некогда...

Направилась к дому бывшего бургомистра. Ее появлению в горнице очень удивились. Стали расспрашивать, почему пришла да что делает муж... Но когда она рассказала, что пришла занять денег, так как за время долгой болезни Адама закончились все сбережения, все переглянулись.

Аничка знала, что они в состоянии помочь ей. Она попросила еще раз, из любви к Адаму, но они отказались, сославшись на безденежье.

Ее отправили к столяру, от столяра послали к присяжному. Он был богатый человек, дающий займы по мелочам, — там ей, наверное, не откажут. Это была Аничкина последняя надежда.

Жена Трусика сидела возле прялки, две ее дочери сворачивали на столе ткани. Трусик рылся в каких-то бумагах.

Все одновременно издали возглас удивления.

— Где бы это записать, что ты к нам пришла? — вскинула брови хозяйка. — Ну, садись, посиди у нас. Что хорошего принесла?

— Ничего я не принесла, а хотела бы у вас унести, — еле слышно проговорила Аничка, думая об Адаме: чем же он так долго занимается один с Яничком? — Дядюшка, не могли бы вы дать мне взаймы двадцать золотых до следующего месяца?

— Ай-ай-ай, ты пришла просить взаймы, Аничка? — Женщина, резко засмеявшись, покачала головой. — Так-то ты ведешь хозяйство мужа...

Заныло у Анички сердце, но она превозмогла себя. Рассказала еще раз, на что они потратили деньги.

— Так оно и бывает, — сказала женщина, — покуда здоров человек — зарабатывает себе, никого не слушает. Но когда приходит болезнь... Надо же быть настолько твердолобым, чтобы брать жену без гроша за душой, да еще ее парня содержать! Девушка моя, нынче деньги на земле не валяются, чтобы их давать абы кому. Может, вы вернете, а может, и нет. Неизвестно, выживет ли Адам. А ты сама, милая моя, откуда возьмешь? Кто знает, стоит ли твое имущество

десятка золотых — дом да поле сиротская рука не поднимется продать, а ты ведь сирота.

— Не говорите так! — воскликнула Аничка. — Адам еще жив!

— Жив! И что, годами так будет лежать? Если бы он женился как подобает, жена бы могла теперь тратить свое. А так полежит еще немного, и хату его продадут. Красотой сыт не будешь.

Аничка больше не слыхала, что говорила женщина — ушла, не попрощавшись. Она плохо соображала, куда идет. Значит, она сама была причиной этого несчастья! Если бы Адам взял в жены Трусикову Евву, как надеялась жена Трусика, ему бы не надо было ни о чем заботиться. А так, если никто не захочет дать взаймы, то продадут у Адама все, что у него было до свадьбы, и она сама будет тому причиной!

Аничка и не заметила, как спустилась вниз к мельнице; у нее дрожали ноги. Надо бы хоть немного отдохнуть.

Села она на замерзший камень и посмотрела в прорубь. Журчание замерзающей воды усыпляло Аничку, и мысли ее как будто замерзли, остановились. Некоторое время ей было хорошо, так хорошо, — вот бы никуда не уходить отсюда.

— Что ты здесь делаешь, Аничка?! — голос мельника с противоположной стороны реки вывел ее из оцепенения. Быстро преодолев замерзшую речку, он перепрыгнул через прорубь и остановился перед нею.

Она приподнялась.

— Устала я, но сейчас уже пойду.

— А как Адам себя чувствует?

— И не спрашивайте — Бог нас оставил, люди помочь не хотят. Мы погибаем.

Мельник надолго запомнил этот потухший взгляд ее красивых голубых глаз, которые смотрели на него с бледного личика, словно две меркнущие перед рассветом звезды.

Окликнул он еще раз молодую жену кузнеца — она его не слышала.

Мельник не мог успокоиться. «Надо вечером пойти посмотреть, что с ними случилось. Она это таким голосом сказала: „Бог нас оставил!“»

Аничка пришла позже, чем обещала. Она и не подозревала, что ее ждет.

Пока ее не было, Адам поиграл с малышом, накормил его, спел ему песенку, чтобы не плакал, когда он начал звать маму. Мальчик лег рядом с отцом, прижался к нему личиком и сладко засопел.

И Адама одолела дремота — ему было так хорошо возле ребенка.

— Милый мой сыночек! — произнес он в полусне.

Они заснули. Неожиданно ребенок засучил ножками, разбудил батюшку. Адам улыбнулся. «Как мне хорошо, а ему только крылышек не хватает, а то бы улетел». Грудка вздымалась от здорового дыхания. Адам представил себе, как все будет, когда сынок вырастет и станет мужчиной. Представил его кузнецом, подковывающим коней... И вдруг кони вздымаются на дыбы, становятся безумными...

В памяти у Адама ожила та страшная минута и та невыносимая боль, которую он испытал на этой постели... Он, никогда не болевший, теперь не может двигаться, не может ничего делать! Если бы не упрямство пана Рудогорского, они оба могли быть здоровы. У Анички были бы две коровы и все их сбережения.

Адам задумался, как Аничке удалось сэкономить так, что хватило и на врача, и на лекарства. Считал он, считал — никак у него не сходилось. Вот сейчас она придет, и он спросит у нее, на что они живут.

«Ах, Боже мой, милый Боже! Освободи меня от этих страданий, — возопил Адам, — чтобы я не должен был постоянно лежать. Мне так страшно оттого, что нас ждет дальше! Уже теперь мы, наверное, в долгу, а если это еще продлится, что будет?! Хотя, — утешил себя Адам, — Небесный Отец над нами бдит точно так же, как я тут над своим Яничком. Разве Он не сказал: „Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе...“¹⁵»

У Адама во время болезни было как никогда много времени для того, чтобы читать Слово Божье. Он научился все лучше и лучше познавать Бога и доверять Ему даже в печали, научился беседовать с Ним, как ребенок с отцом. Адам не спрашивал, за что на него свалилась эта болезнь, — он знал, что заслужил еще худшее. Когда его бок особенно сильно болел, думал о Спасителе и о крови и воде, вытекших из Его пронзенного тела.

«Я окружен заботой, на что мне роптать? — думал он. — Сыну Божьему, висевшему на кресте и умиравшему за меня, даже воды не подали. Я не имею права жаловаться».

Злые времена, которые предсказывал батюшка, уже настали. В полдень солнце покры-

лось тьмой, но так как над этой тьмой властвовал Сын Божий, она не была такой мрачной.

Если бы не эти страдания, Адам не узнал бы, какой хорошей женой была его Аничка... «Не ради себя, Господи Иисусе, но ради этого крохи и ради Анички прошу Тебя — избавь нас от страданий!»

Яничек проснулся, сел на постели, начал тереть ручками глазки.

— Мама!

Увидев, что мамы все еще нет, ребенок заплакал, но отец его быстро утешил. Он дал ему игрушку. Мальчик повеселел, начал вставать на кровати. Чтобы не дать ему упасть, Адам переместил его к стене — пускай теперь бегаёт.

Полез он к папе на спину, стал похлопывать его по лицу, растрепал ему волосы. Оба засмеялись. Вдруг мальчик запутался ножками в перине, упал и ударился золотоволосой головкой о больной бок отца.

У Адама потемнело в глазах — даже ножевая рана не могла бы причинить такую боль...

А Яничек снова забегал по постели, но, увидев, что отец не открывает глаз, когда он тормозит его, принялся жалобно плакать: «Мама, ма-а-ма!» И хотя мама не пришла, кое-кого он дозволялся.

Матейкова жена шла с похорон дочери и задержалась возле дома кузнеца. Видит — дверь открыта, Анички нигде нет. Услышав плач ребенка, она вошла. Хотела взять его с постели, чтобы не разбудил Адама, присмотрелась — и позабыла о ребенке, быстро посадив его на пол. Адам был весь холодный, лицо смертельно бледное и такое страдальческое, что хотелось плакать, глядя на него.

Женщина стала трясти его за плечо, он открыл глаза и посмотрел на нее отстраненным взглядом.

— Ах, я так хорошо спал, тетушка, зачем вы меня разбудили?

— Да, хорошо спал, сынок, — а где Аничка?

— Не знаю, тетушка, она сейчас придет. Вышла куда-то, оставила нас тут вдвоем, мы играли, да Яничек меня нечаянно хорошенько подлечил.

Старуха Матейка хотела дать Адаму еще одну простыню.

— Сынок! — закричала она, — у тебя ведь из бока течет.

— Течет? Там же не было раны.

— Скорей бы Аничка пришла! Побегу за доктором, потому что тебе либо очень плохо, либо теперь будет хорошо. А Томаш где?

— Не знаю, тетушка, целый день его не видел. Наверное, где-нибудь дрова рубит.

Женщина вышла посмотреть, не идет ли Аничка, и услышала звон колокольчиков. Вот бы это был доктор! Она не ошиблась — он словно шел на зов. Она закричала так громко, что ее услышали и остановились.

— Что случилось? — спросил лекарь.

Женщина вкратце рассказала, в чем дело. Лекарь, даже не дослушав, сошел с повозки, подошел к кузнецу и только головой покачал.

— Я-то думал, что вы давно уже здоровый мужик, а вы все еще в постели? — обратился он к Адаму.

— Да вот, все еще в постели, господин доктор. Даже и не знаю, что теперь будет, раз у меня из бока течет.

Врач осмотрел рану.

— Не беспокойтесь, завтра утром я приду и выпущу гной, который скопился у вас под кожей, а сейчас не могу задержаться — пану Рудогорскому надо снимать повязку с руки. А это правда, — поднялся лекарь, — что вы требовали в замке выплаты какого-то возмещения?

— Я? — удивился Адам. — Нет.

— Ну, спокойной ночи.

Придя домой, Аничка узнала о том, что случилось и что предстояло им назавтра. Она накормила и уложила малыша. Адама клонило в сон, ужинать ему не хотелось. Хорошо хоть старуха Матейка пообещала, что придет с утра пораньше.

В кузнице стихло. На улице был мороз и дул ветер. Аничка села напротив постели Адама, прислонилась спиной к печи. Она стала думать о том, что будет с мужем завтра, и почувствовала, словно кто-то приставил нож к ее сердцу. Потом и об этом перестала думать. Она очень устала, но не могла закрыть глаза — стерегла каждый вздох Адама.

Внезапно он проснулся.

— Аничка!

Она подбежала к постели.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Почему ты не идешь спать? Уже ночь.

— Да, сейчас пойду.

— Тебе не хочется?

— Нет.

— Тогда сядь возле меня и дай мне руку. Мне снятся такие нехорошие сны. Все время кажется, что я лечу в колодезь, и все вертится, вертится перед глазами... Знала бы ты, как у меня жжет здесь!

Впервые за всю болезнь Адам пожаловался, и она не нашла для него слов утешения.

— Аничка, — начал он снова спустя мгновение, в полудреме, — если я умру, не отдавай Яничка в кузнецы, чтобы его кони, как меня, не убили.

— Не отдам! — пообещала она, и ее обычно ласковый голос так странно прозвучал в тихой горнице, словно из могилы.

— И не плачь по мне так, как плакала по ба-тюшке, потому что тебя, бедную, некому будет утешить.

Адам не осознавал, что говорил, не видел своей жены. И хорошо, а то бы он сразу очнулся.

Аничка упала на колени возле постели как подкошенная. Да, ее некому будет утешить, если он умрет, — никого у нее не было. Даже Томаш оставил их, когда она больше всего в нем нуждалась. Она столько молилась, страдала, ухаживала за Адамом — и все напрасно. Ведь он умрет! Бог ее на самом деле покинул...

Ей показалось, что кто-то стучит в окно. Наверное, это какой-нибудь странник; а на улице холодно. «Пускай отправляется в деревню, мне нечего ему дать — завтра нам самим будет нечего есть. Пусть идет дальше, попросит у жены Трусика».

Стук снова раздался в дверях сеней; в них ворвался ветер. Аничка подумала, что если бы Адам знал, что снаружи кто-то стоит, он бы пошел отворить. Она медленно встала, взяла лампу и направилась к двери. Открыла.

— Добрый вечер!

— Томаш!

Да, это был их Томаш, весь запорошенный снегом!

— Где ты был и почему вернулся?

— А вы думали, я не приду? Не сердитесь, что я ушел, ничего не сказав, — извиняющимся тоном попросил он, снимая мешок со спины. — Вы бы меня не отпустили, а сами нуждаетесь. Меня ведь там никто не знает... Побираться не грех, только красть грех.

Чем Господь Бог помог, то вам и несу. Никогда еще люди мне столько не давали! Нам этого хватит на какое-то время и обед приготовить, и на хлебушек, а дядюшке я купил два фунта мяса — все равно теперь не испортится. — Довольный Томаш раскладывал продукты на столе и у очага. Он не решался посмотреть на Аничку, которая стояла перед ним, бледная и молчаливая. — Яничку я взял немного крупы для каши и кусок сахара, а вот это вам. — Он развернул

бумагу. — В одном доме молодая женщина принимала гостей и дала мне этот калачик и кусок мяса, а я для вас отложил — ведь это все из чистого места. Пожалуйста, возьмите покушайте — вы же сегодня ничего не ели.

Томаш замолчал, так как Аничка схватила его за руку, хотела ему что-то сказать и не смогла. Вбежала она в комнату, бросилась на пол и заплакала — Томаш даже позабыл о том, что целый день радовался, сколько он ей всего несет. «И чем я ее обидел, почему она так убивается?» — Он не знал, как утешить бедную женщину.

Томаш и не подозревал, что Аничка плакала от избытка его братской любви, которую он проявил в самый лютый ее день, от избытка его заботы об Адаме и Яничке. Она его осуждала за то, что он ушел, а он — он был так добр!

Словно Сам Сын Божий пришел к ним в дом в ту страшную ночь, как когда-то приходил к Своим ученикам на море, и сказал: «Чего боишься, маловерный?!» И еще добавил: «Разве может женщина забыть о своем младенце, не заботиться о плоде своего чрева? Но если бы она и забыла, если бы ты забыла о своем Яничке, — Я никогда не забуду!»¹⁶

Напрасно переживал Томаш, что она приняла слишком близко к сердцу то, каким путем он добыл продукты, — это ее не смущало. Она с радостью приготовит Адаму принесенное им мясо, а Яничку кашку — ведь все это ей послал Сам Господь Бог. Аничка мучалась оттого, что у нее был на небе такой добрый Отец, а она смела ранить Его своим недоверием. Потом она плакала уже от счастья, словно дитя, которое попросило у матери прощения и все не может утешиться у ее сердца. Когда в конце концов Томаш попытался остановить хозяйку, попросив прощения у нее, она объяснила ему причину своих слез, позвала его в горницу и там, не прекращая плакать, рассказала, что с ней приключилось вчера, что она пережила и как не выстояла во время Божьего испытания.

Чтобы порадовать его, она съела принесенный им калач и кусок мяса. Если бы не надо было признаваться, откуда эта еда, она бы скорее отдала ее Адаму — такое все было вкусное. Потом она попросила Томаша убрать то, что он принес, и пойти отдохнуть, а она разбудит его к утру, чтобы он мог сменить ее возле Адама.

Когда тот ушел, она долго стояла на коленях у мужниной постели — там и вздремнула. Ей было

хорошо. Она знала, что Небесный Отец не оставил их и Господь Иисус рядом. Разве не говорил Он: «Вот, Я с вами до скончания века»¹⁷?

И когда после полуночи Адаму стало хуже, у нее было для него наготове много ласковых, утешительных слов.

Ночью Томаш проснулся от звуков красивого Аничкиного голоса — она пела. Набросив одежду, он вошел к мастеру, и вместе они помогли ему скоротать эту страшную ночь. Адам навсегда запомнил их преданность, и они не забудут, как он был добр и терпелив!

Едва начало светать, как перед кузницей остановились сани. Приехал лекарь.

— Из-за вас я не мог заснуть целую ночь, — пожаловался он, входя в горницу, — все вы не выходили у меня из головы. Как тут у вас?

— Очень плохо, господин доктор, — ответила Аничка. — Но Господь Иисус помог нам.

Лекарю пришлось сделать глубокий разрез, чтобы выпустить гной из раны. Он скопился под кожей вместе с кровью, и их пришлось выдавливать. Доктор хвалил Адама за то, что тот держался молодцом и не кричал. Аничке он ничего не сказал, но, заметив, как она утирает мужу пот

с бледного лица и придает ему мужества своим взглядом, посмотрел на нее точно так же, как и в тот момент, когда она говорила ему, что никакие врачи ее живой с Адамом не разлучили бы.

— Вот видите, — облегченно улыбнулся лекарь, когда закончил, — мы неплохо вычистили рану. Теперь полежите еще пару дней, и через две-три недели все будет в порядке.

Адам даже не попрощался с лекарем — обесиленный после долгих болей, он сразу заснул.

— Теперь я буду приходить ежедневно, — сказал лекарь Аничке. — И еще пришлю мазь и лекарства. Не волнуйтесь, это оплатит пан Рудогорский.

— Чем мы заслужили то, что он будет платить?! — удивилась Аничка.

— А чем вы заслужили то, что муж болеет?

Лекарь взял с собой Томаша, чтобы прислать с ним лекарства. По пути он расспросил его, как Дубравским жилось раньше и как живется теперь, узнал, что и в кладовке, и в погребке у них пусто, а Аничке не давали даже взаймы. Томаш не рассказал лишь о том, из чего Аничка будет варить обед сегодня. «Об этом я расскажу мастеру, когда он встанет с постели!» — вздохнул он. Лекарь в ответ лишь улыбнулся в усы.

Когда Томаш вернулся домой, Аничка радостно выбежала ему навстречу. Адам проснулся, выпил горшочек бульона, похвалился очень хорошим самочувствием и тут же снова заснул.

Это была самая радостная весть в их доме, но появилась и еще одна радость. Мельник пришел навестить Адама и принес мешок хорошей муки. Он сказал, что когда Адам выздоровеет, тогда и отработает. А мельничиха послала Аничке кушанье из свежего мяса.

— Вот так Господь Бог добрых людей посылает! — радовался Томаш, — Только бы хозяину стало получше, а остальное само собой образуется!

Пополудни лекарь поехал в замок. Он застал господина за письменным столом.

— Я смотрю, — заметил он, смеясь, — что высокочтимый пан больше не нуждается в нашей помощи.

— Вы были у кузнеца, господин доктор?

— Был.

— И что?

— Вырезал ему весьма глубокую дыру в боку.

— Зачем?

— Ваши кони ударили его в бок, гной скопился глубоко внутри и его нужно было удалить.

Пан Рудогорский встал и принялся ходить по комнате.

— Он ведь на меня злится, господин доктор? — спросил немного погодя.

— Надо бы, высокочтимый пан, потому что если ремесленник, зарабатывающий своими руками, так надолго болеет, это означает гибель для всей семьи.

— Расскажите мне все, что вы о них знаете, господин доктор!

— Я знаю только то, что молодой Дубравской, неделями уже нормально не питавшейся, лишь бы мужа вылечить, теперь не из чего хлеба испечь, не на чем поджарить, нечего сварить.

— Вы это наверняка знаете? — Пан Рудогорский побледнел и, нахмурившись, встал перед лекарем.

— Мне об этом рассказал их слуга. Эта молодая женщина в одиночку несла груз забот; мужу не жаловалась, чтобы не беспокоить его. Он еще две-три недели не сможет работать. А между тем у него уже не осталось заказчиков. Да и потом, нельзя будет сразу с постели — и в кузницу на целый день. Ну а если бы он знал обо всем и

видел, чем живут жена и ребенок, он впал бы в отчаяние. Не знаю, как они протянут до весны.

— У него ведь и сын есть, правда, доктор? Это надо как-то поправить. Я тогда дорого заплатил за свое упрямство и ему причинил несчастье. Если он будет на меня жаловаться, я ему выплачу убытки.

— Жаловаться? Дубравский? О, это ему и в голову не придет! Они на вас даже не в обиде, пан Рудогорский! Каждый раз, как я бывал у них, они с искренним сочувствием говорили о вашем несчастье и расспрашивали о вас. Вчера я намекнул кузнецу, не попросил ли он возмещения убытков, но тот только удивился.

— Он не в обиде? В таком случае я сам постараюсь возместить ему убытки! Посоветуйте только, как?

На следующее утро Аничка не знала, верить или нет своим глазам и ушам, когда перед кузницей остановилась повозка из замка. Слуги сообщили ей, что все это послал господин, и передали письмо для Адама. В нем говорилось, что пан, не имея возможности исправить повреждения, нанесенные телу кузнеца, просит позволения восполнить ущерб, нанесенный его имуществу.

Он просил Адама использовать приложенные деньги так, как тот считает нужным, и таким образом как можно быстрее поправляться.

Аничке все это казалось сном — и то, как в их кладовку заносили зерно, муку, солонину, копчености и картошку; и то, как внесли одну корзинку дорогих, выдержанных вин и еще одну — с угощением для Адама; и то, как появились, наконец, два большущих пирога для нее и для Яничка... Она сказала, что сама придет поблагодарить, как только сможет отойти от Адама, и пожелала, чтобы Господь Бог благословил господ во сто крат больше!

«А ведь наш господин не заслуживает этой благодарности!» — подумали слуги. Каждый из них принялся с особенным усердием заниматься своими делами — один поводьями, другой возом, — чтобы никто не заметил набежавших на глаза слез.

Когда они выехали на дорогу, старший из слуг наконец не выдержал:

— Надо же, пан Рудогорский чуть ее мужа в могилу не свел, а она на него даже зла не держит!

— Да, оба они порядочные люди, их грех обижать! — согласился другой. — А такого

ремесленника, как Дубравский, нигде в округе не сыщешь. Только бы Господь Бог исцелил его!

Аничка тем временем поспешила к Адаму. От него сумели скрыть, что кладовка была совсем пуста, но того, что она стала опять доверху наполнена, утаить оказалось невозможно. А с какой легкостью она рассказала ему теперь о том, что все продала! Ведь ему уже не надо было об этом беспокоиться.

Адам радовался, но не столько из-за полной кладовки и всяких вкусностей, которые обещала ему Аничка, сколько из-за ее радости. Однако когда она отдала ему письмо от пана, из которого выпали вложенные деньги, и Аничка сразу насчитала десять десятков, он нахмурился.

— Столько денег мы не можем принять. Для пана Рудогорского это слишком накладно!

Аничке пришлось принести бумагу, перо, и Адам, несмотря на трясущуюся руку, стал выводить красивым, ровным почерком строку за строкой:

*Высокочтимый пане,
мы с моею дорогой женой сердечно Вас
приветствуем и от души благодарим за
присланные Вами дары. Да воздаст Все-*

вышний Господь сторицей Вам и Вашему дому в будущем году за все то добро, которое вы сделали нам. Но сотню золотых мы принять не можем, потому что Вам, высокочтимый пане, это принесет большой убыток, а у Вас с вашей болезнью и так много затрат. А когда милостивый Бог исцелит меня, как я и надеюсь, то я возьму все, с чем задержался по ремеслу. Я очень рад, что Вы уже здоровы.

Да благословит Вас Бог.

Адам и Анна Дубравские

Аничка была довольна, что Адам сумел так хорошо написать. Ей нисколько не было жаль денег, которые ее муж упаковывал в толстую бумагу, хотя, по правде говоря, ей бы очень пригодился хотя бы один десяток...

Томаш отнес деньги и письмо. Господина не оказалось дома, и все это забрала управляющая — так называли в замке Рудогорскую.

На следующий день было воскресенье. После обеда Адам отправил Аничку в церковь. Яничек спал, а Адам читал толкования Слова Божьего. В эту минуту кто-то постучал в дверь. Адам

сказал, чтобы входили, дверь отворилась... Ну и ну! Кузнец скорее ожидал увидеть собственную смерть, чем того, кто вошел в его горницу. Сам пан Рудогорский!

— Добро пожаловать! — протянул ему руку хозяин.

Пан посмотрел на бледное, осунувшееся лицо молодого кузнеца. В его памяти он оставался таким же, каким был при их последней встрече. Увидев, как приветливо смотрит на него кузнец — будто бы он и не отнимал у него полугода молодой жизни, — Рудогорский подошел к постели, взял его худую руку в свои и сказал сердечно:

— Простите меня, Дубравский!

Потом сел на постель Адама и начал:

— Я причинил вам великое зло. Вы, наверное, думаете, что только из-за господской прихоти, но это не так. Вы добрый, благородный человек, Дубравский, и все еще верите в Бога... Ну а я почему-то доверяю вам и потому расскажу всю правду.

У вас замечательная, добрая жена, которую вы по-настоящему любите — вы меня поймете... Видите ли, кое-кто сообщил мне, что моя жена мне изменяет... Я тогда хотел застать ее

врасплох, чтобы убедиться в этом. Поэтому так спешил и от гнева, горя и жалости к себе не ведал, что творил. Вы меня понимаете?

— О, понимаю! — Адам пожал господину руку и признался, как и ему люди посеяли в сердце недоверие; но не изменилась истина — «что Бог ни делает, все к лучшему». — Кто знает, если бы меня не одолела болезнь, сколько бы я еще сомневался — ведь люди злы, а мы слабы. А в невзгодах я понял, какая у меня жена, и Томаш помогал нам обоим, как брат, особенно мне, хотя я этого не заслужил.

Пан опустил голову на ладонь, а на совет Адама прогнать клеветников только покачал головой.

— Вы-то поняли, а мне уже поздно... У вас есть жена, а у меня больше нет.

— Неужели госпожа графиня умерла? — испугался Адам.

— Для меня — да. Она уехала, мы с ней расстались навсегда, — помрачнел Рудогорский, но тут же оживился: — Однако у меня остался сын! Где ваш сын, Дубравский?

— Там, в колыбели.

— Красивый ребенок. А какой большой!

Адам с грустью посмотрел на господина и подумал, что если бы ему пришлось так говорить об Аничке, это была бы не та боль, что он перенес позавчера, — та боль лишь пронзала бок, а эта метила прямо в сердце!

Яничек проснулся в колыбели, уселся и смотрел на пана. «О-ей!» — протянул к нему обе ручки.

Пан понял детское требование, взял ребенка на руки, показал ему часы.

— Папа! — мальчонка посмотрел на батюшку, указывая ему на часы. — На!

— Не сломай, Яничек!

— Он не сломает!

Мальш слез с рук и поводил господина по горнице, показывая ему то одно, то другое, разговаривал с ним нежным голоском и сам кивал в ответ золотоволосой головкой.

Адам не ругал ребенка, он видел, что господин ему рад, и подумал: «Несчастный человек! Пусть хоть ненадолго отвлечется от своего горя».

Так их и застала Аничка. Она немного смутилась от присутствия редкого гостя. Но пан Рудогорский так приветливо и серьезно взглянул на нее и так похвалил ее ребенка, попросив и у нее

прощения за то, какое он причинил ей горе, что она быстро позабыла о пропасти, которая разделяла их.

Аничка взяла мальчика, чтобы одеть его, — он был в одной рубашке. Он не хотел выпускать часы, тогда пан их отстегнул. Одевшись, ребенок снова подбежал к пану.

— Вот тебе, — подал ему часы, показывая на карман в жилете. — Клади сюда.

— Когда же мой мальчик будет так разговаривать?! — вздохнул пан Рудогорский.

Он довольно долго задержался у Дубравских. Обещал Адаму прислать газеты и книги, чтобы время шло побыстрее. И уже собираясь уходить, взял еще раз мальчика за руку и дал ему один за другим два мешочка:

— Отдай батюшке — от тебя он это скорее возьмет, — а вот это тебе прислал мой Данко.

Адам догадался, что в тех мешочках, но уже не мог отказать пану, раз он сам принес ему деньги. Поблагодарил его сердечно, и Аничка тоже. Пан Рудогорский пообещал навестить их снова.

И стал он приезжать почти каждый день, а иногда целыми вечерами просиживал у постели кузнеца. Он купил Адаму подвесную лампу, что-

бы удобнее было читать, и сам читал для него газеты.

Однажды ему довелось прийти как раз в тот момент, когда они с Аничкой пели. И так они красиво пели, что он был очарован и попросил их всегда дожидаться его.

Адам с удовольствием читал Слово Божье в присутствии господина. Он думал, что если его это не утешит, то ничто другое — тем более.

Иногда пан даже принимался с ним спорить, но всякий раз вынужден был останавливаться, так кузнец убеждал его Писанием, что Иисус — Сын Божий, Который пришел найти и спасти погибшее.

Поначалу господин ничему не верил. Чтобы спорить с Адамом, он купил себе Библию и начал читать ее дома. Но этого оказалось недостаточно, так как Адам не просто читал — он верил всему, что ему говорил Бог. Он познал Бога и Его возлюбленного Сына, Иисуса Христа, и уже не мог без Него жить. И чем больше читал Его Слово, тем больше понимал его смысл.

— Мы в этом мире словно в школе, — говорил он пану, — а Библия — книга, по которой нам предстоит учиться до самой смерти. Из нее

можно узнать все, что нам нужно, чтобы потом предстать перед Богом.

— Однако, — возражал пан, — об этой книге ученые мужи столько всего понаписали, всячески ее разъясняя... Как же вы, необразованный кузнец, можете в ней разбираться?

— Не знаю, пане. Когда я начал ее читать, многое оставалось для меня неясным. Но как только я стал исполнять то, что заповедал мне Бог, у меня в голове все прояснилось. «Все будут научены Богом»¹⁸, — нашел я там обещание. И подумал: «Почему у меня это не должно получиться, ведь апостол Иаков написал: „Кто не имеет мудрости, пусть просит ее у Бога“¹⁹, а Господь Иисус добавил: „О чем бы вы ни попросили Отца во имя Мое, Он вам даст“²⁰». И я просил — ведь Христос пообещал нам Небесного Учителя, который всему нас научит. Иногда, поверьте мне, пане, иногда во время этой болезни, читая здесь в одиночестве, я ощущал, что в моем сердце был Некто, помогающий мне читать. Если вы захотите постичь Библию, Бог вам дарует это.

Так как господин высмеивал Адама и иногда даже выходил из себя, они думали, что он больше

не станет приходить. Но он приходил, временами брал с собой и лекаря. Лекарь же был молодым, легкомысленным и все обращал в шутку.

После их ухода Адам бывал невесел, он с каждым днем видел все яснее, что ни одного из господ не удастся переубедить. Ему было жаль их. Пана Рудогорского и без того постигло несчастье, и не было для него в мире утешения, а лекаря неизвестно что еще ожидает — и они не хотят верить Слову Божьему! Как же они станут жить дальше? И что будет с ними потом?

Адам с ужасом думал об этом, и сердце подсказывало ему молиться о них, чтобы Бог открыл им глаза так же, как открыл ему.

Наконец врач позволил Адаму встать с постели. Они с Аничкой и Томашем оставили Яничка у жены Матеяка, а сами отправились в храм Господень, чтобы отблагодарить Господа Иисуса за ту огромную любовь, которой он их одарил. В храме они увидели пана Рудогорского. Аничка не смогла удержаться от того, чтобы ему улыбнуться.

После обеда он послал за ними повозку, чтобы они приехали к нему вместе с Яничком. Кое-кто в деревне позавидовал такой чести, но врачи говорили, что Адаму дорого далась господская дружба.

Когда после полдника в замке управляющая с Аничкой и детьми вышли в сад полюбоваться цветами в теплице, пан Рудогорский привел Адама в свою комнату, показал ему большой шкаф, наполненный книгами, и сказал:

— Все эти книги написаны против Бога. Я верил тому, что в них сказано, но когда пришло горе, они меня не утешили. Вы же доверяли только вашей Библии, и она научила вас страдать и любить. Вот и я решил обратиться к ней. Мы больше не будем спорить, мы будем читать Библию с благоговением, как и подобает читать священную книгу.

Адам обрадовался.

— Будь я на вашем месте, пане, — сердечно сказал он, — я бы не потерпел в доме таких богохульных книг. Ведь если кто придет, увидит и прочтет — все равно что отравится. Я бы постоянно боялся, что сын мой перестанет верить в Бога и когда-нибудь на Божьем суде обвинит меня в том, что я не уберег его.

— Вы правы, Дубравский. Вы бы смогли это сделать, но я еще не готов.

Их разговор прервал врач, он тоже должен был прийти на полдник, однако его задержали дела.

— Ну как, — спросил он Адама, — рады, что больше меня у себя не увидите?

— Я благодарю Бога за исцеление, — весело ответил Адам. — Вас же, пан доктор, я всегда рад видеть, если вы придете к нам в гости.

— Я зайду к вам ненадолго на катехизис, вместе с высокочтимым паном!

— Нам обоим не помешало бы поучиться заповедям у Дубравского, — отозвался Рудогорский.

Адам задержался в замке до самого вечера. Аничка с Яничком ушли домой раньше.

Доктор поехал вместе с молодым кузнецом.

— Слушайте, — начал он примерно на половине пути, — вы такой счастливый человек. Таких, как вы, еще поискать надо. У вас чудесная жена, ребенок, словно цветок, и при этом спокойно на душе, со всеми вы живете в мире. Вы ведь не стали бы меняться со мной местами, верно?

Адам покачал головой.

— Не стал бы, даже если бы у вас было все, что вы у меня хвалите. Я бы не хотел быть на вашем месте потому, что у вас нет веры в Господа Иисуса.

Когда на следующей неделе Адам впервые открыл кузницу, он упал на колени и поблагодарил

Бога за то, что снова может работать. Он мог бы трудиться с утра до ночи, если бы Аничка ему не запрещала. Если ей самой не удавалось заставить его отдохнуть, она посылала Яничка — ради сыночка он всегда отбрасывал молот, какой бы срочной ни была работа. И хотя у него временами болел бок и, наверное, будет болеть до самой смерти, он никогда не жаловался, что им выпало такое испытание.

Теперь у него было действительно много работы — из одного замка поступило множество заказов, не говоря уже о деревнях! За время его болезни люди убедились, что нет у них другого такого кузнеца. Они еле дождались его выздоровления.

Ему пришлось взять двух учеников — Томаш с одним подмастерьем не справлялись.

Прошло еще немного времени, и Адам заработал Аничке на вторую корову. Томаша он одарил от шапки до чижм²¹ и купил ему настоящий праздничный наряд.

Они арендовали кусок луга. К Яничку прибавился сирота по имени Йожко Безован — и его воспитывали как родного. Он был не из их краев и попал к ним после жизни попрошайничеством — сиротой, оставшимся без отца и матери.

Сам Господь Бог прислал его в дом Дубравских. Он пас их корову да и по дому помогал охотно. Адам собирался взять его к себе в ученики, когда окрепнет. Парнишке должно быть у них хорошо — они воспитают из него такого же молодца, каким стал Томаш, с которым они уже не хотели расставаться до конца жизни.

Иногда пан Рудогорский посылал за Адамом и Аничкой. Она теперь часто помогала по хозяйству в замке. Больше Адам никуда не отпускал ее — у нее и дома было много дел. Когда Аничка шла в замок, она всегда брала с собой Яничка. Детишки играли друг с другом, всем доставляя радость. Господин очень радовался, когда видел мальчиков вместе. Он даже забирал их в свою комнату и не сердился, если они мешали ему писать. Он сам придумывал для них развлечения и веселился с ними, хотя в остальное время бывал грустен.

Снова пришла осень — совсем как та, в которую Адам подковывал господских коней. Теперь он чинил перед кузницей молотилку. Пан Рудогорский стоял возле него и наблюдал за его работой, из кузницы раздавался звук от молотов и железа.

В этот момент на дороге поднялась пыль, подъехала карета из замка, и возница подал господину телеграмму.

Адам оторвался от работы и увидел, что господин смял листок и стал бледным и мрачным, как будто у него случилась беда.

— Плохие новости? — спросил Адам.

— Да, мне сообщают, что графиня смертельно больна и хочет видеть меня еще раз.

Никто в замке не вспоминал о графине, как будто ее давно не было в живых, о ней ничего не знали. А теперь она умирала на самом деле.

Адаму стало очень жаль ее. Кто знает, как там у нее все сложилось... Наверное, она уже давно была больна.

— Вы ведь теперь поедете к ней? — с участием спросил Адам.

— Я? — Он смерил его взглядом с ног до головы. — Разве я вам не говорил, что у меня нет жены?

— Да, но это неправда. Она жива, а вы, пане, поклялись ей в верности и любви в счастье и в невзгодах, до самой смерти.

— В этом, право, и она клялась, и нарушила клятву! — разгорячился пан.

Хорошо, что возница вел коней по дороге, а то бы услышал его.

— Пусть она нарушила, но вы, пане, не нарушайте. Поезжайте к ней, если она этого желает. Она наверняка хочет попросить у вас прощения. И простите ее — а как же иначе вы сможете показать ей свою доброту? Ей и без этого тяжело будет умирать. И что вы ответите своему сынишке, когда он однажды спросит, где и как умерла его матушка, если вы не помиритесь и оставите ее умирать у чужих людей?

Адам с мольбой и доверием посмотрел на пана:

— Так вы поедете? — спросил он еще раз.

Ответа не последовало, но господин подал ему руку, позвал возницу, и вот уже кони уносили прочь.

Пан поехал к жене и застал ее тяжело больной — она пришла в себя лишь на то время, когда он вошел к ней. Он настолько покориł ее сердце нежданной любовью, что она захотела хотя бы умереть у него в доме.

Несмотря на запрет врачей, пан Рудогорский не согласился, чтобы она умерла здесь, у чужих людей, и привез жену в Нимницу.

Врач посоветовал взять Аничку для ухода за госпожой графиней, потому что она очень хорошо теперь умела выхаживать больных. Адам

сам уговаривал ее пойти, а так как они не могли оставаться без хозяйки, на ее место позвал Матякову старуху. Аничка забрала с собой и Яничка.

Аничка ухаживала за больной днем и ночью, меняясь с паном, который отходил от жены, только когда это было необходимо. Он переводил ее из одной комнаты в другую, из одной постели в другую, а затем на свежий воздух. Она очень ослабла. И никто так не умел стелить ей постель, как Рудогорская.

Ее хранили как зеницу ока, как драгоценный цветок.

Она приехала домой, чтобы умереть, но есть на земле солнышко, под которым зацветают самые прекрасные цветы, и называется оно любовью. Оно-то и осветило господский цветок, согрев его. И еще есть сила, способная остановить смерть на самом пороге, — это молитва.

Аничка много молилась за ее исцеление, Адам тоже молился — и напрасно. И лишь когда сам пан начал молиться и просить Бога об исцелении жены, чтобы Он пока не забирал ее к Себе, исповедуясь в том, что много согрешил против нее, когда взволнованное «Боже, будь милостив ко мне, грешному, и даруй мне ее снова!» вознес-

лось от земного праха к небесам, — тогда без промедления пришел ответ.

Адам каждый вечер ходил справляться о самочувствии госпожи и всегда находил для пана слова утешения. Тот всегда ждал его в замке.

Однажды вечером, уже во дворе, лекарь рассказал ему, что состояние графини значительно улучшилось, а в комнате пан обнял его, и Адам без слов понял это как благодарность за то, что уговорил Рудогорского привезти жену.

Когда опасность миновала, госпожа начала поправляться. Она была еще очень слаба, ее надо было снова учить ходить, как маленького ребенка.

Аничку она очень полюбила. Пана же побавивалась — помнила, что причинила ему много зла, и видела его милость к ней. Аничка стала приводить к ней обоих детей, сперва на минутку, потом и дольше.

Однажды пани захотела познакомиться с Аничкиным мужем, и когда он пришел, то так ей понравился, что она сама попросила его еще раз навестить ее и не забирать пока Аничку.

Госпожа графиня выздоровела, а муж стал таким внимательным и милым с ней, так покорила ее любовью, что ей больше не хотелось уезжать от него и от сынишки.

Она долго еще смущалась Рудогорской, но была уверена, что та на нее не держит зла, раз она так добра. Однажды, когда Аничка ненадолго ушла домой, а на ее месте сидела Рудогорская, пани быстро взяла ее за руку:

— Не сердитесь на меня, тетушка! Спасибо вам за такую заботу о моем муже и ребенке. Об одном вас прошу: не называйте меня больше графиней и слугам скажите, чтобы тоже меня так не называли. Пускай зовут меня «пани Рудогорская» — не хочу другого имени!

Рудогорская оказалась права — госпожа графиня не была злой, а только дурно воспитанной.

Вскоре доктор позволил ей выезжать, и она попросила отвезти ее к Дубравским. Пани очень хотела посмотреть на Аничкину семью, которая так ей понравилась.

В тот же день пани Рудогорская появилась в маленьком домике кузнеца Дубравского. Адам прежде всего предложил поблагодарить Господа Иисуса за исцеление госпожи и почитать что-нибудь из Слова Божьего. Пока он молился, пани плакала, а когда начал читать тринадцатую главу Первого послания Коринфянам, она не спускала с него глаз и повторяла вполголоса: «Любовь

долготерпит... все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит». И дальше: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»²².

Вот эту любовь и увидела госпожа у Дубравских — у них ей было так хорошо!

Аничка решила замолвить перед ней словечко и за пана Рудогорского — она очень переживала, что пани так боится своего доброго мужа, и чувствовала, какую это причиняет ему боль.

Она рассказала госпоже, как пан хорошо с ними поступил и как избавил их от нужды. А начав, должна была рассказать все, поведать об их с Адамом несчастье.

После этого госпожа воротилась домой в задумчивости и долго еще плакала в своей комнате, сравнивая верность молодой жены кузнеца со своей неверностью.

Потом она решительно встала с дивана. Аничка просила у Бога прощения за то, что когда-то перестала Ему верить, — и она тоже хотела просить Его о прощении. Она молилась впервые, не зная, как и что сказать. Но добрый Иисус, которого Адам так дивно благодарил за ее исцеление, понял ее и простил.

Как только она окончила молитву, в дверь постучал пан, прося позволения войти, — он целый день был в городе по делам. Она побежала открыть ему и... Пани бросилась к мужу, обняла его и, плача, еще раз стала просить о прощении и благодарить за любовь, которой не заслужила... А он уже давно простил ее и теперь сам просил у нее прощения за то, что повел себя неразумно, и умолял начать с ним новую жизнь — не как прежде, без Бога, а во имя Господа Иисуса.

Аничка вернулась к своему Адаму. Кузнец вздохнул с облегчением — ему было очень тяжело без Анички и Яничка, и не для него одного, но и для всех остальных потускнело солнце, когда ее не было видно в доме, улыбающейся и приветливой с каждым, когда не было слышно ее красивого пения. Да и еда — хотя тетушка Матейка была неплохой стряпухой — казалась иной на вкус, если ее готовила и подавала на стол Аничка.

Пани пошла на поправку и снова расцвела, как роза. Ее было не узнать: с каждым она стала приветлива и любезна. Хотя она и поручила заботу о хозяйстве управляющей, но сама помогала мужу писать и вести счета, заботилась и о том, чтобы у прислуги всего хватало.

Пан Рудогорский словно помолодел. Никто его уже не видел хмурым. А когда однажды к нему наведалься Адам, он увидел, что его шкаф был наполнен только книгами, славящими Бога, а на столе лежала большая Библия, из которой он ежедневно читал своим домашним. Теперь уже его сынишка не отречется от Бога, когда вырастет.

Бывало, когда пан проезжал мимо кузницы, ему из-за спешки не удавалось сойти и поговорить со своими друзьями — тогда он весело кричал Адаму:

— Чем занимаетесь, счастливые люди?

И лекарь, проходя поблизости, не мог удержаться — заглядывал в дом хотя бы ненадолго. Ему здесь всегда были рады, и он приходил с удовольствием.

— Вы — хороший кузнец, — сказал он однажды Адаму. — Если бы вы могли, как ваше железо, разогреть любовью и это сердце!

— Эй! — воскликнул Томаш. — Таким кузнецом может быть только Господь Бог, Который сказал: «Слово Мое не подобно ли молоту, разбивающему скалу?»²³

— Ты великий мудрец, Томаш, — признал лекарь. — Я этого до сих пор не замечал. Ты

прав, — оно словно молот, разбивающий скалу, — но ведь молот не согревает!

— Не молот это делает, но Господь Иисус, Который сказал: «Придите ко Мне...»²⁴. Его сердцем разогревается истерзанное сердце, Он залечивает всякую рану, — подтвердил Адам с верой в то, что когда-нибудь настанет час, когда Господь Иисус залечит и это неверие в сердце их дорогого друга, чтобы и он мог воскликнуть, как когда-то Фома: «Господь мой и Бог мой!»²⁵

Так жили Дубравские — с ними благословение Божье, в сердцах их любовь Христова. Все им стало во благо — и добро, и зло, ибо:

*...пребывающий в любви
пребывает в Боге,
а Бог в нем!*²⁶

(1904)

Примечания

¹ В 1867 году Словакия вошла в Австро-Венгерскую империю. Государственным языком в Словакии стал венгерский, национальная печать была подавлена.

² См.: Иак. 2:19.

³ См.: Ин. 4:16.

⁴ См.: Екк. 11:19.

⁵ См.: Ис. 1:3.

⁶ См.: 1Фес. 5:17.

⁷ Ин. 11:25.

⁸ Ин. 6:40.

⁹ См.: Ин. 3:18.

¹⁰ Иов. 16:22.

¹¹ 2Пет. 3:13.

¹² См.: 2Кор. 2:5.

¹³ 1Фес. 5:17.

¹⁴ См.: Ин. 16:24.

¹⁵ См.: Ис. 41:10.

¹⁶ См.: Мф. 14:31; Ис. 49:15.

¹⁷ См.: Мф. 28:20.

¹⁸ См.: Ин. 6:45.

- ¹⁹ См.: Иак. 1:5.
- ²⁰ См.: Ин. 16:23.
- ²¹ Чи́жмы — словацкие сапоги.
- ²² 1Кор. 13:4—7,13.
- ²³ См.: Иер. 23:29.
- ²⁴ Мф. 11:28.
- ²⁵ См.: Ин. 20:28.
- ²⁶ Ин. 4:16.

Кристина Рой
СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Перевод — О. Сакун
Редактор — И. Воробьева
Корректоры — Н. Баталова, А. Лобанова
Художник — В. Хрушева
Компьютерная верстка — А. Кодак

ЛП № 000315 от 30.11.99. Подписано в печать 30.06.04.
Формат 84x108/32. Бумага типографская. Усл. печ. л. 7,14.
Тираж 5000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия “Свет на Востоке”»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548
E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru>

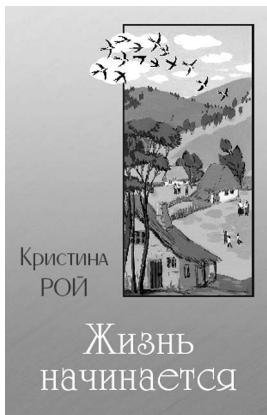
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Издательство
«СВЕТ НА ВОСТОКЕ»
представляет

Кристина Рой

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

В небольшую словацкую деревню вернулся с войны бывший солдат Мартын Запола. Чтобы добраться домой из плена он прошел два континента, преодолел тысячи километров, побывал в далекой Сибири и Японии... Но дома его ждало страшное разочарование — извещенная о его гибели жена

вышла замуж за другого. Это едва не стоило Мартыну жизни, если бы не вмешательство сельского учителя и нашего Небесного Отца, Который для каждого человека предначертал особенный путь в этом мире.

*Повесть издана в новой редакции
и новом оформлении.*

Издательство
«СВЕТ НА ВОСТОКЕ»
представляет

Новая повесть

Кристина Рой

ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

В повести словацкой писательницы Кристины Рой, написанной почти полтора столетия назад, обсуждается одна из актуальнейших для сегодняшнего времени тем — тема эмиграции. Все дети старой жены лесника Бетушки Микулы уехали из родных словацких лесов в богатую, но чужую Америку. Неожиданно к бабушке приезжает погостить один из внуков — и уже не может расстаться с родными лесами, которые не только исцелили его израненную душу, но и помогли найти путь к своей небесной родине. Так Йозеф Микула во всех смыслах вернулся домой.

*Книга издается на русском языке впервые.
Перевод со словацкого.*